

ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ

Творчеством Тадеуша Ружеви́ча я никогда специально не занимался. Но кое-что читал — его и о нем. И знаю, что родился он в 1921 году, участвовал в польском Сопротивлении, после войны учился на филолога, печататься начал в конце 40-х годов. Пишет стихи, пьесы и малую прозу. В поэзии предпочитает верлибр, в прозе — гротеск, а о собственной драматургии отзывается так: «Все свое творчество я рассматриваю как постоянную полемику с современным театром»¹. Ружеви́ч ненавидит войну, его отарашает механистичность новейшей цивилизации, ужасает перспектива термоядерной смерти.

С творчеством Кафки я знаком лучше, как, впрочем, и с его жизнью. Потому что творчество это и эта жизнь, если брать их порознь, рискуют остаться непонятными. По-видимому, так думал и Ружеви́ч, когда брал Кафку в герм своей «Западин».

Театром Кафка, конечно, интересовался, но на него не работал. Зато его поклонников так и подмывало превращать неоконченные кафковские романы в пьесы. Начало этому положил Андре Жид, лауреат Нобелевской премии, знаменитый автор «Подземелий Ватикана» и «Фальшивомонетчиков»: в 1947 году он инсценировал «Процесс». Его примеру последовал Макс Брод — тоже писатель, однако более известный не как сочинитель, а как душеприказчик и толкователь Кафки. В 1953 году Брод инсценировал «Замок», в 1957-м — «Америку». Через двадцать семь лет после Жида «Процесс» инсценировал и Петер Вайс, немецкий антифашист, сделавший себе имя удивительной пьесой о Жан-Поле Марате и странным романом «Эстетика сопротивления».

Казалось бы, неблагодарное это занятие — персонафицировать символы Кафки, выводить на подмостки его частную мифологию. Но Кафка и сам все это персонафицировал, даже как бы выводил на подмостки. «Несколько раз, — читаем в его дневнике, — меня протащили взад-вперед, посадили и снова положили, тоже несколько раз, дергали за ноги так, что я дыбился от боли, дали немножко полежать спокойно, а потом стали глубоко всаживать в меня что-то острое...»². Разумеется, ничего этого не было. Он испытывал внутреннюю, душевную боль, но воплотил ее в аримом, живом образе. Такая особенность кафковской прозы искушает инсценировщиков.

Правда, Жид, Брод или Вайс инсценировали сочиненное Кафкой, а Ружеви́ч обратился к его жизни. Но нечто похожее уже делал наш Марк Розовский, когда создавал пьесу по мотивам «Письма отцу» и новеллы «Приговор», то есть писательской исповеди и вещи художественной. Из столь разного материала, не будь он кафковским, пьеса вряд ли слепилась бы. А у Кафки и роман, и рассказ, и притча, и дневник — это все один жанр, жанр кафковской прозы, которая никаким барьером ни от чего не отделена: ни от театра, ни от жизни.

Это и породило «Западину» Ружеви́ча. В пьесе прослежена почти вся жизнь Кафки — сначала болезненного ребенка, потом болезненного взрослого, чья смерть не за горами. Но есть в жизни этой период, особенно привлекающий драматурга. Он приходится на 1914—1917 годы и замыкается двумя помолвками и двумя разрывами Кафки с девицей по имени Фелица Бауэр.

«Каждая человеческая жизнь, если достаточно хорошо ее знаешь, смешна. А когда узнаешь ее еще лучше, убеждаешься, что она серьезна и ужасна»³, — эти слова Элиаса Канетти относятся к Кафке. Более того, они навеяны теми же фактами из его жизни, которые так заинтересовали Ружеви́ча.

В 1969 году Канетти написал небольшую книгу под названием «Другой процесс». Это не роман, как «Слепление», и не социологическое эссе, как двухтомная «Масса и власть» (произведения, особенно прославившие Канетти), а всего лишь скрупулезный анализ писем Кафки к уже упомянутой Фелице Бауэр. Анализ породил убеждение, что роман «Процесс», начатый Кафкой в августе 1914 года, спровоцирован июньской помолвкой и июльским разрывом с Фелицей. Что вовсе не значит, будто Канетти отрицает социальную подоплеку кафковского романа. Напротив, он уверен, что роман Кафки стал возможен лишь благодаря «сцеплению внешнего ада с его внутренним адом»⁴.

У Ружеви́ча жизнь Кафки «смешна» в том смысле, что как бы вся строится на помолвках и разрывах. И не только с Фелицей Бауэр. Ружеви́ч доводит ситуацию почти до абсурда, когда посылает на сцену Девушку в розовой кофточке, Яну Словик,

¹ Tadeusz Różewicz. Teatr niekonsekwencji. Warszawa, 1970, s. 75.

² Франц Кафка. Из дневников. Письмо отцу. «Библиотека журнала «Иностранная литература». М., «Известия», с. 158.

³ Elias Canetti. Der andere Prozess. München, 1973, S. III

⁴ E. Canetti. Der andere Prozess, S. 67.

посудомойку, дочь сапожника. Его Кафка и к ней пытается свататься, в то же время не оставляя планов, связанных с Фелицей, и приударяя за ее подругой Гретой Блох.

Кроме Фелицы у Кафки была еще одна невеста — Юлия Ворыцек, дочь синагогального служки, с которой он обручился в январе 1919 года, а в ноябре расторг помолвку. В отношении прочих женщин своей жизни — Милены Есенской, Доры Димант — Кафка матримониальных планов уже не строил.

Что же до Яны Словик, то упоминаний о ней я не встречал ни у одного из кафковских биографов. Скорее всего она придумана Ружевичем ради усиления эффекта. Мастерская сапожника, где Макс (Брод) разыгрывает роль свата, полная чада, грязя, нечестных детей — это та сцена, на которой не только реальный, но и сочиненный Ружевичем Кафка не смог продержаться и минуты. Ведь даже золотозубый рот Фелицы вызывает у него отвращение.

Однако именно такой Кафка нужен Ружевичу. Не просто слабый, непоследовательный, колеблющийся, но и смехотворный, абсурдный. Словом, никак не положительный герой. Даже преданный Макс, добровольный мальчик на побегушках, бросает ему упрек: «Почему перед лицом жизни ты подставляешь вместо себя других людей? Даже все еще неравнодушная к нему Грета спрашивает: «Разве он может быть другим?» — и уподобляет его «черному, безмолвному ворону». Даже Отец, олицетворяющий мещанскую безапелляционность, невежественную авторитарность, слепую самолюбленность, «разгадал» сына, нащупал его червоточину.

Но этот Кафка — не бездушный эгоист, скорее, неисправимый эгоцентрик. «...Наш ворон, — говорит Грета, — предпочитал смерть — Фелице, предпочитал болезнь семейной жизни...», предпочитал потому, что воспринимал Фелицу и семейную жизнь с нею как посягательство на свою личность, на ее внутреннюю свободу. Панически страшился одиночества (отсюда и сватовство, помолвки), и все-таки свободу ставил выше. Не от недостатка человеколюбия и не от гордыни. Просто так был устроен. И это устройство касается не его одного; оно важно для всех.

Подобно принцессе на горошине, Кафка ощущал давящую силу власти и тогда, когда (ввиду малости дозировок) она другими не ощущалась. Оттого он сопротивлялся и там, где другие покорялись. «Есть нечто глубоко волнующее, — пишет Канетти, — в этой упорной попытке бессильного любимым путем уклониться от посягательства власти» — и приходит к выводу, что «среди всех поэтов Кафка — величайший эксперт по вопросам власти. Он познал и изобразил ее во всех ее аспектах»⁵.

В самом деле, что такое суд в «Процессе», канцелярии в «Замке» или машина для пыток в рассказе «В исправительной колонии», как не «аспекты власти»? Помните, в «Замке»: «Что значила, например, чисто формальная власть, которую проявлял Кламм в отношении служебных дел К., по сравнению с той реальной властью, какой обладал Кламм в спальне К.»?

Не исключено, что Ружевич знаком с «Другим процессом» Канетти. Как правило, польский писатель придерживается фактов кафковской биографии, лишь преувеличивая или преуменьшая их значение (история с девицей Словик не в счет, ибо и это скорее гипербола, чем искажение). Но один раз Ружевич все же преступил собственные правила: превратил Кафку в прокуриста, иными словами — служащего довольно высокого ранга. Ни к гиперболизации конфликта, ни к выпячиванию абсурдности происходящего это отношения не имеет, поскольку Кафка не показан в служебной сфере. Дело, однако, в том, что прокуристом был Йозеф К. — автобиографичный (как всегда у Кафки) герой «Процесса». Тем самым как бы акцентируется связь романа с кафковским «внутренним адом». Возможно, это сделано вслед за Канетти.

В остальном Ружевич следует собственным планам. Скажем, к мотивам власти у Кафки идет отнюдь не через спальню. И не потому, что мебель для нее так и не была куплена несостоявшимися молодоженами. В обличье террористического насилия власть просто врывается в пьесу, форменным образом раздвигая стены.

С критикой тоталитарных режимов, которые в 20—30-е годы наводнили демократизировавшуюся Европу, мыслимо напрямую связывать только рассказ «В исправительной колонии». Да и то (поскольку написан он в 1919 году) лишь в качестве пророчества. Так лет тридцать назад поступали некоторые публицисты на Западе: искали аналогий между трудностями с захоронением старого коменданта в рассказе Кафки и реальным удалением из мавзолея останков Сталина. Но Кафка пророком не был — он лишь ранее многих почувствовал, что наступает время диктатур.

И Ружевич, когда искал для такого кафковского чувства сценического воплощения, оставлял в стороне литературу. Ведь ему было желательно сцепить наводняющее планету зло именно с «бытом» героя — этими нелепыми помолвками и алогичными побегам из-под венца, этим отчаянным одиночеством и непоправимым эгоцентризмом. Только так, по мысли Ружевича, можно было утвердить связь между «внешним адом» и «адом внутренним», связь в жизни, несомненно существовавшую, но и не лежавшую на поверхности.

Все три сестры Кафки погибли в нацистских лагерях смерти. Это дает Ружевичу повод как бы спроецировать действие в будущее: за спиной у ничего не видящего Франца появляются Палачи с собаками; они гонят нагих узников, в толпе которых исчезают Оттла, Валли и Элли. По мере приближения к финалу подобные сцены учащаются: раздвигается стена, и всеобщее зло затопляет подмошки, где продолжает разыгрываться будто частная, будто «смешная» трагедия.

Начинаешь постигать, что жизнь Кафки и впрямь «серьезна и ужасна», потому что

⁵ E. Canetti. Der andere Prozess, S. 86.

обусловлена всем этим злом. А под конец пьесы обусловленность вдруг проглядывает сквозь неожиданную, шокирующую Фантасмагорию: еще раз раздвигается стена, и... грузчики вносят шкаф, тот самый, что некогда был куплен Фелицей и Францом.

Так замыкается круг. Круг жизни — единой, общественной и личной. Кафка сполна выстрадал обе. Выстрадал прежде всего как художник. Но и как человек, которого только ранняя смерть спасла от нацистских печей.

В интервью, озаглавленном «Что считать злом, а что добром» («Известия», от 15.IX.1988), Георгий Товстоногов сказал: «Единственный выход я сейчас вижу в том, чтобы обратиться к целому ряду направлений, имен в искусстве, которые были закрыты для нас. К Дюрренматту, Фришу, Беккету...» Пьеса Гадеуша Ружевича «Западня» в этом ряду. И из-за самого Ружевича, и из-за Кафки, которого Ружевич стремится постичь, которому хочет быть адекватным и в нравственных исканиях, и в облекающей их метафорике.

Д. ЗАТОНСКИЙ

Западня

ПЬЕСА

Перевод с польского И. ЩЕРБАКОВОЙ

Картина 1-я

Коморка прислуги

Небольшое помещение с оконцем в потолке. Тут стоит кровать с высокой периной и горой толстых подушек. У стены — большой деревянный сундук, расписанный цветами и птичками. Над кроватью висят цветные, рисованные на стекле картины: Богоматерь, Сердце Иисуса и святой Георгий, сражающийся с драконом. На полу дорожка. На табурете стоит газ. На стене над табуретом висит маленькое зеркальце, засохшие венки, травы. Помещение очень чистое, побеленное. На табурете сидит красивая крепкая девушка лет тридцати в шерстяных толстых носках. Она штопает чулок, натянутый на «гравбок». На сундуке сидит черноволосый худой мальчуган лет шести, держит в руке блюдце с медом, который зачерпывает маленькой ложечкой. Иногда он выливает мед из ложечки в блюдце и смотрит на медленно стекающую золотую нить.

Ю з я. Что, козавочка, добрый медок?

Ф р а н ц. Я боюсь...

Ю з я. А чего ты боишься? Ведь я же тут.

Ф р а н ц. Папы боюсь... он сказал, что разорвет меня, как лягушку.

Ю з я. Папа смеется... ведь ни мать, ни отец дитяти своего не обидят, потому как любят его...

Ф р а н ц. А я боюсь папы: он зубами скрежещет, когда на меня смотрит... И руки у него так шевелятся, как клешни у рака. У меня прямо мед горькает.

Ю з я. Господь Бог сказал: надо чтить отца своего и мать... Ничего, Францек, не бойся: мы как заслышим папины шаги, я мигом спрячу тебя под перину или запру в сундуке. Ну что, медок тебе уж боле по вкусу?

Ф р а н ц. Вроде чуть послаще.

Ю з я. Ну то-то!

Ф р а н ц. А лягушки...

Ю з я. И что это вы с лягушками выделывали?.. Сушие живодеры эта ребятня!

Ф р а н ц. Кароль нам показывал... он разодрал лягушку, и из нее книжки вылезли. Отгла расплакалась и стала бить Кароля, а я убежал... Кароль сказал, будто лягушке можно вставить сзади соломинку и так лягушку надуть, что она превратится в дракона и полетит.

Ю з я. Кароль чепуху несет! Он дождется, его отец так отдубасит, что ой-ой-ой!

Ф р а н ц. А это как — отдубасить?

Ю з я. Ешь мед!

Ф р а н ц. Как это — отдубасить?

Ю з я. Ступай-ка сюда, я те враз покажу.

Ф р а н ц. А этот мед, что я сейчас ем, ты привезла из дому, прямо из улья? Папа вчера говорил мне: у кого есть челы — у того и мед, у кого есть дети — у того помет.

Ю з я. Эх ой!

Ф р а н ц. А сколько у тебя ульев в деревне?

Ю з я. Я тебе уже сто раз говорила, что три.

Ф р а н ц. Один какой?

Ю з я. Один, будто медведь, что стоит на задних лапах, другой по виду — как святой Флорян.

Ф р а н ц. А третий — как бочка. И у всех в брюхе — челы. И одна королева... А трутни? Какие трутни?

Ю з я. А такие, как ты!

Ф р а н ц. (вылизывает блюдечко, погбагает к Юзе). Поижи меня Юз я, я такой сладенький!

Ю з я (крепко целует Франца несколько раз в обе щеки, потом вытирает его лицо тыльной стороной руки). Бедныш мой! Ну, а теперь улетишь, не то папа тебя увидит — раздерет, как лягушку!

Ф р а н ц. (молитвенно складывает руки). Разреши мне побыть еще немножко, тут так хорошо пахнет... А у тебя своих детей нет?

Ю з я. Ну да, нету.

Франц. А почему?

Юзя отмахивается от него, как от мухи.

Но ты родишь теленка.

Юзя. Медя больше, пустомеля.

Франц. Конечно, теленка, потому что у коровы бывает теленок.

Юзя. Но я же не корова!

Франц. Папа на тебя кричит: «Ты, корова! Старая корова, чего мычишь!» Я слышал... а ты редела.

Юзя откладывает штопку.

Я не люблю папу, потому что он кричит на тебя и страшно кричит на Валли... и скрежещет зубами на меня.

Юзя. Надо чтить отца и мать — так сказано в заповеда.

Франц. В чьей заповеда так сказано?

Юзя. Господь Бог велел.

Франц. Это тот Господь Бог, которому ты молишься?

Юзя. Тот.

Франц. Это Господь Бог. (Показывает пальцем на образок).

Юзя. Это Иисус.

Франц. А почему Иисус висит на кресте, а Господь Бог — нет?

Юзя. Потому что Иисуса замучили люди замучили и распяли на кресте.

Франц. А почему?

Юзя. За наши грехи и для нашего избавления.

Франц. Я знаю, какие люди замучили и распяли на кресте Иисуса... но он врет!

Юзя. Кто врет? Что ты опять болтаешь?

Франц. Витек мне говорил, что они учатся исповеди и причастию и что он все знает... (Подбегает к Юзе, прижимается к ней, прячет голову в ее коленях). Я не замучил Иисуса, я его не убил... (Разражается плачем, сквозь слезы повторяет). Я не убил Иисуса... я не... это нехорошие евреи убили.

Юзя (сжимает мальчика в объятиях, гладит его по голове, целует. Мальчик постепенно успокаивается). Не плачь... Идем, я промою тебе глаза, а то мама узнает, что ты плакал. (Подводит Франца к газу, берет ему лапоть, вытирает чистым белым полотенцем).

Франц (улыбается Юзе). А Витек говорил, что я... что мы...

Юзя (гладит лицо мальчика). Ступай! Побегай по двору! Ну, живо... живо... (Шлепает мальчика по заднице).

Франц, смеясь, выбегает из комнаты.

Картина 2-я

Спустя годы

Над столом лампа с абажуром, разрисованным цветами. Мебель тяжелая, темная. Стол накрыт скатертью. Сидящие за столом обедают. Франц и Отта склонились друг к другу и шепчутся, сдерживая смех.

Отец. Молчать за столом!

Слышен смех.

Мало того, что эта корова испоганила братву... А барышня чего смеется? Ну скажи, над чем ты смеешься? Или твой братишка... всегда молчаливый, понурый... Ну скажите отцу, о чем вы болтаете? Обо мне?

Правда? Человек работает целый день, как вол, чтобы накормить скопище дармоедов, и не может спокойно проглотить кусок. Сколько раз я говорил, что за столом надо есть и тут не место для глухих смешков и болтовни. Да этот суп как помой!

Мать (тихим голосом). Но... Герман... извини меня...

Отец (спокойно). Это ты прости меня, Юля, прости за твоих детей. (Отец наклоняется над тарелкой, сёрбает). Конечно, Францу не по вкусу, он гурман... Я в его возрасте был счастлив, когда получал миску картофеля. Да, картофеля... Я не ел супов, бульонов, домашней птицы, отварного мяса... С десяти лет я начал работать, и так — по сей день. Но кому до этого дело? Наши сиятельные юные домочадцы прохлаждаются и ждут, что им все само в руки прильвет... Франц! Если тебя не устраивает наше общество, можешь уйти.

Франц. Отец, я...

Отец (бьет кулаком по столу). Молчи, когда я с тобой говорю! «Я... я... я...» Ничего другого не знает, только «я... я...». А что ты такое? Что? Ничего. И не смей разговаривать со мной таким тоном! Я тебе не приятель, не этот твой сопавый дружок! Посмотрите на него, какую он сделал мину! Может, я тебя оскорбил? В собственном доме рта раскрыть нельзя... Я не требую от тебя ни любви, ни родственных чувств, потому что ты на это не способен. Ну что вы не едите? Чего уставлялись? Кто как ест, тот так и работает.

Служанка вносит блюдо с мясом, картофелем, соусом. Нерешительно смотрит на хозяйку дома.

Сидят себе господа за столом и изволят есть, а я в семь лет целыми днями должен был возить в тачках картофель или дрова... Я так изматывался, что засыпал за столом, а не как вы — каждый в своей постели, на матрасе, под пуховым одеялом... Было нас восьмеро... все мы спали в одной комнате... мы, мальчики, втроем в общей кровати...

Мать. Герман, извини. (Делает знак прислуге, которая выходит).

Отец (довольно долго выбирает себе на блюде порцию мяса с костью, накладывает в тарелку картофель, подвигает блюдо жене. Франц отодвигает от себя тарелку. Отта с аппетитом принимается за еду. Отец ест быстро, отрезает большие ломти, пальцами вынимает изо рта какой-то твердый кусок или кость. Остальные дети едят молча). Да... я был счастлив, если наедался досыта картофелем или лапшой... Никто не отодвигал от себя тарелку с едой... Друг за другом донашивали истрепанную одежду и башмаки... здорово вам сквозь лохмотья ветер в задницу надул... (Берет в руки кость, облаживает ее. Черные закрученные кверху усы его поднимаются над костью, сверкают зубы. Он часто вытирает пальцы и усы салфеткой, повязанной у шеи. Мать притрагивается рукой ко лбу Франца. Этот тревожный и робкий жест не ускользает от внимания отца. Он прекращает облаживать кость и бросает ее на тарелку, картошка и брызги соуса летят на стол). Он наверняка воображал, что болен, оттого ему и обед не по вкусу. Большой должен лежать в постели, а если сидит за столом, значит, здоров — только кривляется. Может, нарежешь

мясо на кусочки и становишь запихивать ему в рот... Я в его возрасте вынужден был напиться в фирму мальчиком на побегушках, а потом младшим приказчиком... Никто мне руку ко лбу не прикладывал... Случалось, шеф приложит, да только потом ухо горит! Ха-ха-ха! (Разражается смехом). Комедиянт! Когда кто-нибудь думает только о себе, о своем брюхе, о своих потрохах, то такому некогда поинтересоваться ни братьями и сестрами, ни родителями... Юлия, пожалей себя, ведь ты еще куска в рот не взяла... Не переживай из-за них... уверило тебя, когда мы состаримся, никто нам стакана воды не подаст.

Сидящая в конце стола худенькая Элли вдруг начинает плакать.

(Отец складывает салфетку). А эта что опять устраивает? Всех нас зальешь своими слезами.

Мать. Герман... еще десерт.

Отец. Отгла! Не чавкай за столом... (Вынимает из кармана зубочистку, начинает старательно чистить зубы, выковыривает мясные волокна. Довольный, оглядывается вокруг, взглядом собственника обводит семью. Вновь принимается ковырять в зубах).

Мать поглядывала под столом руку Франца, который сидит с опущенной головой. Отгла очень аккуратно ест ложечкой молочный кисель, наклоняется к Францу и что-то шепчет ему в ухо.

(Другим концом зубочистки ковырять в ухе). Так! (Наклоняется к матери). Может, немного вздремнешь? (Похлопывает по щеке лухлую Вали и выходит, скрипя ботинками).

За столом царит тишина. Элли встает, быстро выходит из комнаты. Постепенно нарастает шум голосов, смех. Служанка собирает посуду, ей помогает Отгла.

Мать (Францу). Сынок...

Франц. Да, мама?

Мать. Ты болен? Плохо себя чувствуешь?

Франц. Нет, мама.

Мать. Почему ты не поел? Может, съешь позже? Юзя принесет тебе в комнату.

Франц. Спасибо, мама. Я уже могу идти?

Мать целует Франца, смотрит ему вслед, пока он, худой, в черной шнобельной форме, направляется к выходу.

Отгла. Можно съесть твой молочный кисель?

Кароль вынимает из коробка две спички и начинает ковырять ими в ушах, а потом широко раскрывает рот, как гиппопотам — пасть, и чистит зубы, передразнивая Отгла.

Мать. Кароль, прошу тебя... это отвратительно!

Валли хохочет до упаду. Отгла помогает служанке вынести посуду. Возвращается, щеткой сметает со скатертя крошки. Ставит на стол вазу с искусственными цветами.

Кароль. Валли! Ты мычишь, как корова.

Валли. Мама!

Мать. Карл!

Кароль. Я Карл Великий... я съел сегодня столько картофеля, что счастье мое безгранично. Это только Франц — ходячее несчастье... Если бы наш бесподобный патер

familiae¹, будучи в возрасте Франца, покушал столько картофеля задаром, он был бы самым счастливым из людей в этой юдоли скорби. Вот она, благодарность детей!

Мать. Карл! Не говори таким тоном об отце... это очень некрасиво.

Кароль. Ich lebe in Saus und Braus! Meine Damen und Herren! In Saus und Braus...² (Выходит.)

Картина 3-я

Сон. Жертвенное животное

Франц в черном костюме, белой рубашке, галстуке спит на кровати. Отец за столом точит два ножа. На столе — пустое блюдо, несколько тарелок. Стол серый, маленький, без ножек, напоминает алтарь, сооруженный из плоских камней. Сноп света падает сверху, из черной пустоты. Душенька Франца — маленький мальчик в белом костюмчике — собирает щепки, пруттики, веточки, укладывает их вокруг стола.

Душенька Франца. Папа, много еще нужно собрать щепок?

Отец молча точит ножи.

А где жертвенный ягненок?

Отец (встает — он огромен). Ты — жертвенное животное. (Приближается с веревкой в руках, хватает мальчика. Закрывает его лицо ладонью, связывает ему руки и ноги веревкой. Дотрагивается пальцами до его обнаженной шеи. Берет в руки нож, приставляет его к шее мальчика).

Франц (присыпается с криком, потом в темноте слышен как бы плач. Франц обращается к Отцу, в непроглядную темноту). Отец! Значит, только моя кровь, моя смерть может тебя изменить и смягчить... Ты ненавидишь меня... Но почему? Я боюсь людей, боюсь, что они станут на меня кричать, топтать, таскать меня за уши, как дошкольника... Я боюсь, отец... я весь потный, ладони у меня влажные... совсем мокрые... Я хочу под твое отцовское крылышко... Знаю, я слабый, я рассыпаюсь, распадаюсь, боюсь людей, боюсь тебя, боюсь маленьких девочек, злобных, как обезьянки... Я грязное животное...

Картина 4-я

Мебельный магазин

Франц. Шкаф! (Подходит к шкафу, смотрит на него). Купим шкаф... Шкаф! Странное слово. (Усмехается).

Фелица. Нам нужно купить один трехстворчатый шкаф платяной, ящик для постельного белья, две ночные тумбочки... и кровать... или одну двухспальную, или две кровати рядом... Еще бельевой шкаф...

Франц. Шкаф. Ящик. Значит, покупаем шкаф? (Удивленно). Фелица, а эти шкафы нам действительно нужны?

Фелица. А как ты себе все представляешь? Дом без мебели?

¹ Отец семейства (лат.). (Здесь и далее прим. перев.)

² Я проживаю жизнью! Дамы и господа! Я живу в свое удовольствие... (нем.)

Франц. Ведь не в шкафу...

К ним направляется улыбающийся Продавец.

Фелица. Нам нужно выбрать... если не этот шкаф, так, может, тот. Только не надо устраивать тут спектакля. Такое впечатление, что ты боишься шкафа. Я ведь не запиру в шкаф тридцатипятилетнего прокурора и литератора. Два шкафа и две тумбочки в стальне, буфет — в столовой и, конечно, шкафчик в кухне, шкаф у тебя — шкаф или книжная полка... и шкаф в прихожей... стол, два стола, три стола, столик, табурет, шкаф, шкафчик, ящик, тумбочка с ящичками... (Рот Фелицы раскрывается все чаще и шире).

Франц смотрит на ее золотые сверкающие зубы.

Франц. Не надо ни шкафа, ни тумбочки, ничего не надо! Если для меня — то стол, кушетку, стул, княжью полку, и все. Надеюсь, ты не воображала себе, что я буду спать в общей спальне, в общей постели, под одним одеялом. Я ночью работаю! Даже дышавие любимого существа равносильно для меня гулу локомотива. Слушай! Шкафы, кровати — это не то... извини... (Смотрит на карманные серебряные часы). Мне пора...

Фелица с интересом рассматривает шкаф, выдвигает и задвигает ящики.

Я отвел час на осмотр нашей мебели — разумеется, нашей, поскольку она в конечном счете также и моя... и шкаф и стол...

Фелица (улыбается, берет под руку железика). Почему ты так волеешь со шкафом? Этот предмет мебели когда-нибудь досадил тебе? Я, конечно, могу от этого шкафа отказать, хотя не представляю себе дома без шкафов... Мы же не кочевники...

Франц (серьезно). Ты будешь жить со мной, а не со шкафом.

Фелица (с улыбкой). Надеюсь... Однако хозяйка дома должна иметь какие-то шкафы?

Франц. Если основой наших отношений должен быть стул или шкаф, то я не вижу... я вынужден... кажется, у меня температура... Я должен уехать... Мне нет никакого дела до мебели... Я не хочу стать ее узником, рабом, не могу таскать шкафы... Может, это мой крест? Шкаф...

Продавец, который вертится около Франца и Фелицы, с удивлением прислушивается. В магазин входит какая-то молодая пара. Оба взволнованы. Продавец подходит к ним.

Фелица (сжимает руку железика). Мой дорогой! Люди на нас смотрят... Оставим шкаф в покое. Я завтра приду сюда с Отлой, и мы выберем шкаф, который тебе наверняка понравится. Хочу, чтобы купленная мебель устраивала также и тебя...

Франц. Все, что купишь, будет... если тебе понравится, то и я... одним словом, если... то я абсолютно...

Фелица. Ты только так говоришь, мой дорогой. А если б я сама, без тебя, выбрала прехотворчатый ореховый шкаф, ты бы, наверное, чувствовал себя несчастным... и смотрел бы не на меня, а только на шкаф! С неприязнью, может, с ненавистью... Наконец, убежал бы от этого шкафа... а вернее — от меня.

Франц (с улыбкой наклоняется и целует Фелице руку, обтянутую перчаткой). Извини... у меня немного разболелась голова... Ну ладно, покупаем...

Фелица. Спальня выглядит элегантно, ты не находишь?

Молодая пара оглядывает кровати, двоящиеся ложа. Улыбаются друг другу, шепчутся. Молодая женщина ласково хлопает по руке своего «повелителя».

Франц (бормочет). Омерзительно... (Направляется в другой конец салона, как если бы хотел спрятаться в углу).

Фелица остается одна. Через какое-то время подходит к Францу. Разговаривают. Фелица раздражена, рассержена. Жележик стоит перед ней, как провинившийся ученик. Фелица идет к Продавцу, что-то говорит ему, тот кивает, затем приносит на подносе стакан воды. Франц вытаскивает из кармана порошок, глотает его, заливая водой. Молодые покупатели приближаются к шкафу, открывают его, тщательно осматривают, считают вешалки, выдвигают нижние ящики. Франц подходит сзади, разглядывает шкаф и молодых людей с возрастающим интересом. Он забыл о Фелице, разговаривает с Продавцом. В магазин входят грузчики, до пояса обнаженные. Через плечи у них перекинуты мешки, ремни, веревки. Продавец указывает им на шкаф. Они таскают его к выходу. Их огромные, мускулистые тела, красные лица контрастируют с элегантно одетыми клиентами. Мускулы грузчиков играют под натянутой кожей. Реакция на это мужчин и женщин различна. Только Продавец интересуется исключительно шкафом: как бы грузчики чего-нибудь не попортили, не поцарапали мебель. След за грузчиками выходит молодая пара. В магазине становится пусто. Франц и Фелица молчат.

Франц (с напускным оживлением). Фелица, ты прочтала книжечку, которую я подарила тебе в прошлом месяце?

Фелица, погруженная в свои мысли, не слышит, а может, притворяется, что не слышит. Подходит к двухспальной французской кровати, снимает перчатки, медленно, как бы в раздумье, проводит ладонью по краю кровати. Рассматривает свою ладонь.

Фелица!

Фелица (поднимает голову, с удивлением смотрит на Франца, как на чужого человека). Давай возьмем эту двухспальную кровать... весь этот гарнитур... зеркало, тумбочки, кресла, туалетный стол... шкуру перед кроватью. Твоя мама подарила нам чудесное покрывало из зеленого плюша... как раз годится для двухспальной кровати... Твоя мама с моей мамой завела от нас секреты.

Франц (берет Фелицу за руку). Фелица!

Фелица. Извини.

Франц. Дорогая, я спрашивал тебя: ты прочла «Крейцерову сонату», которую я подарил тебе в прошлом месяце?

Фелица (неуверенно). Да... не помню... у меня в бюро столько работы, может, я начала... не знаю... наверно, где-то положила... ведь это же не срочно? Разве я должна теперь, уже сейчас это читать? Возьмем с собой... у нас будет целый месяц... наш, медовый.

Франц. Значит, ты даже не раскрыла эту книжку.

Фелица. Еще сегодня прочту и завтра подробно отчитаюсь перед тобой о прочитанном.

Франц. Если не хочешь — не читай... в конце концов, у тебя свои любимые авторы. Почему ты мне ничего не говорила о покрывале! Почему не показала! Я не уверен,

что это практично... мне не кажется, что общие кровати имеют какие-либо преимущества... может, для наших дедов... Но не забывай, что, учитывая характер моей работы, я должен иметь у себя в кабинете кушетку... ты что думаешь... ведь ты же знаешь мою работу...

Фелица. Знаю, мой дорогой, все знаю и все помню. Не бойся, я тебя не съем! (Фелица вдруг расхохоталась и показала ряд огромных зубов. Она смеялась свободно и широко, так что видны были не только зубы, но десны и язык).

Франц смотрит на ее обнажившуюся влажную полость рта, ряд зубов и подвижный язык. Фелица продолжает смеяться, когда в магазин возвращается Продавец. Она вынимает из сумочки маленький платочек, обштытый кружевами, и вытирает глаза. Франц в задумчивости смотрит на Фелицу, которая, не обращая на него внимания, подходит к зеркалу, смотрит в него, поправляет шляпу.

Не беспокойся, попросим Отглу переделать нам покрывало...

Франц. Какое покрывало?

Фелица. Отглу попросту разрежет покрывало на две части и обошьет края. Она на это мастерица. Не беспокойся: будут два покрывала на две кровати, а между ними — это замечательное зеркало. (Продавцу). Из чего эти матрасы? Они не слишком жесткие?

Продавец. Из морской травы! (Нажимает ладонями на матрас). Пожалуйста, господа, попробуйте! Очень эластичный и в то же время прямо-таки необычайно нежный.

Фелица. Ты не хочешь попробовать? (С размаху садится на кровать. Слишком звяканье пружин. Франц молчит. Развеселившаяся Фелица подпрыгивает на кровати, в конце концов опрокидывается навзничь, протягивает руки к Францу). Подними меня... прости! Помогй мне... (Продолжая смеяться, она сама поднимается. Затем становится серьезной. Продавцу). Я невероятно... Собственно говоря, мы помолвлены уже второй раз... мой жених... то есть мы вместе оборудуем квартиру, обставляем ее... я невероятно волнуюсь... потому что никогда не делала таких серьезных покупок: ведь мебель — это не перчатки.

Продавец. Мебель нашей фирмы служит клиентам всю жизнь. А потом еще их детям и внукам. (Фелице). Вы можете быть в этом уверены совершенно так же, как в своем счастливом супружестве. Если господин не готов теперь принять решение касательно этой мебели, прошу пожаловать в наш магазин через две недели: мы получим наивысшие образцы с венской фабрики Тонет.

Фелица. Мой жених сегодня немного нездоров... отложим это до будущего месяца... Большое спасибо... (Фелица подает руку Продавцу, идет к выходу).

Франц надевает шляпу. Выходит. Продавец, проводив их взглядом, с удивлением крутит указательным пальцем возле виска, смотрит в зеркало, поправляет галстук.

Картина 5-я

Родители

Спальня родителей. Сдвинутые кровати, тумбочки, этажерка с альбомами и бумагами.

Отец. Никагда доброго слова... Я никогда не слышал ничего, кроме невнятного «спасибо», какое бросают официанты или парикмахеру... Ничего! Хотя бы чуточку души, заинтересованности... Дом... он только для того, чтобы тут поесть, отправить нужду, выспаться... Ты хорошая, пока обслуживаешь их... Нет, ты ничего не видишь... не видишь, потому что их любишь... Я старый осел... не слушай эту мою глупую болтовню. (Подходит к кровати, на которой лежит жена, присаживается с краю, берет ее за руку).

Мать. Они не плохие... Они...

Отец. Я им совершенно безразличен... будто чужой человек... будто старый башмак... Франц... ведь он никогда не подойдет ко мне, не улыбнется... сидит надутый, вечно оскорбленный... Двадцать лет я работал на него, как вол, как последняя скотина... А он смотрит, будто на стену... губы сжаты... Что-то там буркает, черт знает что. А чужим — улыбки, любезности, книжки, билеты в театр.

Мать. Может, это наша вина?

Отец. Это твоя вина, что они нас не любят. Они ведь превратили тебя в прислугу, а меня в ломовую лошадь. Я думаю, они хотят нас докопать.

Мать. Это добрые дети! Они нас очень любят.

Отец. Любят так же, как паразиты любят организм, за счет которого питаются... как блохи — собаку.

Мать. Не говори так... это наши дети... это я... (Отворачивается к стене).

Отец. Одна ты... Они уйдут... впрочем, они никогда не были с нами.

Мать. Франц...

Отец. О нем не хочу... не могу больше слушать... Разве это взрослый человек?! Ведь это что-то... Я не могу понять! Эти его несчастные помолвки, невеста... Я на месте Фелицы вышвырнул бы его за дверь.

Мать. Видишь, он пишет, он художник... Макс говорил мне, что Франц — большой писатель.

Отец. Макс — большой говнюк, у которого потеют руки и ноги... У них у всех потеют руки... это омерзительно... Пожав Макс руку, я вытираю ладонь. Знаю, Франц что-то пишет... Я не осмелю... Я слишком прост, чтобы понять, что молодой господин изволяет сочинять вочами. Да, я читал Гете, читал Раабе... это тоже писатели... может, даже побольше Макса и Франца... И я как-то все мог понять... а тут — ничего... как если б жевал бумагу.

Мать. Но если бы ты проявил хоть немного интереса... сказал бы ему какое доброе слово...

Отец. Это не хлеб, это не профессия... Как может прокуррист... Нет, я не буду ни перед собой, ни перед вами притворяться. Брат — не в моем характере. Для меня его писанина гроша ломаного не стоит. Я когда-то спросил Фелицу, что она думает о книжках Франца. Она усмехнулась и ничего не ответила.

Мать. Я иногда так изматываюсь... хотелось бы заснуть, дорогой... отдохнуть...

Отец. Я утомил тебя этой болтовней... (Наклоняется над женой, укрывает ее одеялом). Спи! Я еще посижу рядом... Может, тебе что-нибудь почтять? Ты засыпаешь.

когда я читаю вслух. Не огорчайся. *(Гладит жену по голове. Она целует его руку и отворачивается к стене).*

Картина 6-я

На вырубку

Номер в отеле.

Фелица. Когда ты тонешь, то хватаешься за все, что подвернется тебе под руку... Кельнерша — ладно, пусть будет кельнерша; кухарка в доме — пускай; случайная девица в приемной у врача — очень хорошо... Я, жена, постоянно буду под рукой — это лучше всего... только обременительно... Тогда, может, удобнее моя подруга Грета?... Ты пишешь два письма и одновременно делаешь предложение Грете и мне. Но больше тебя устроила бы первая встреча, только бы не проситутка, ведь это негигиенично... Малыш Франц боится венерических болезней и папы. Временами, когда я смотрю на тебя с любовью, мне хочется выbleвать тебя и себя... «На помощь! На помощь! — вопишь ты. — Тону! Умираю! Караул! Боже! Что со мной!» Мчатся все: мама, Отта, кухарка, все твои «женщины» и я, идютка. Только твой отец, который тебя знает как облупленного, усмехается в усы и ждет... И он прав, что ждет, поскольку вода доходит тебе едва до колен, впрочем, какое там до колен! А ты кричишь, что уже захлебываешься! Мама чуть со страху не умерла, я бросила работу... В течение трех часов ты прислал три телеграммы. Ну да, у тебя болит голова! Но разве весь мир должен об этом знать? Скажи мне, пожалуйста, зачем я сюда приехала, зачем примчалась в этот гостиничный номер? Чего ты от меня хочешь? Ты сам-то знаешь? И хочешь ли? Чего захочешь через неделю, через день, через час? *(Фелица снимает пальто, вешает его на подлокотники кресла. На ней прямая юбка и белая кружевная блузка. На голове — шляпка или берет).*

Франц лежит на кровати в черных брюках, жилете, белой рубашке, темном галстуке, черных лакированных ботинках. Под ноги подложена газета. Его визитка висит на стуле.

(Фелица снимает шляпку, подходит к зеркалу, поправляет и закалывает густые черные роскошные волосы, держа в зубах шпильку. Когда она поднимает вверх руки, обнажаются волосатые подмышки). Я не желаю участвовать в этой комедии... я не актриса, не художница... я служащая... мне тридцать лет, я хочу выйти замуж, создать своему избраннику домашний очаг, родить детей, прожить с ним двадцать или пятьдесят лет и умереть раньше, чем он... или его похоронить... Вот и вся моя философия... Я никогда не изображала перед тобой ни нимфу, ни сфинкса... Ты уже раз оставил меня с остом. Сделал из меня помещицу, а из себя идютку, инфантильного идютку... Ну вот, я здесь, я приехала, вижу, что ты жив, отлеживаешься и не хочешь разговаривать. А я ходила с ним покупать мебель, занавески, кастрюли, миски и кухонные полотенца... Наверно, ты здорово потешался, глядя на мою суетню.

Франц. Не выпускай меня из рук... у меня нет сил... Мне противно мое тело... Я

чувствую, как во мне все гниет, распадается...

Фелица. Я приехала не затем, чтобы устраивать твои похороны... Ты боишься? Боишься меня? Как я могу тебе помочь? Знаю, что тебе не нужны на мой ум, ни моя смекалка, ни опыт, ни душа... Тебе нужно мое тело. Даже мое имя и фамилия тебя не интересуют. Да, тут, на моем месте, может стоять Грета, Милена, Власта, Эльза... Любая... Лишь бы она имела... Так чего ты хочешь? Я здесь! Тело ехало к тебе пятьсот километров, тряслось в духоте... Я везла тебе то, что может тебя спасти; я вымою для тебя это тело... сейчас, спю минуточку... и тело придет в постель... Чего еще? Ну говори, только быстро, а то телу надоест и оно уйдет.

Франц. Ты сама жизнь... моя жизнь... Ты раздражена...

Фелица выходит в ванную комнату, вскоре возвращается, подходит к зеркалу, душит виски, шею, за ушами, садится на кровать.

Фелица. На, ешь меня, ешь мое тело, мясо, я привезла тебе на блюде готовенькое... Только открой рот... Разве ты не понимаешь, что я женщина?..

Франц. Я болен... Сегодня у меня хлынула кровь из горла в нос... Я хотел тебе сказать, что харкаю кровью... хотел с тобой попрощаться... Это хранилось в тайне... врачи дают мне год, два... Видишь, Фелица, не будет ни шкафа, ни кровати, ни детей, ни пеленок, ни ночных горшков... Я хотел извиниться перед тобой и попрощаться. Видишь, я отправляюсь на тот свет... Не прикасайся ко мне.

Снизу доносятся звуки вальса, шум из ресторана.

Ты, наверно, голодна? Может, спустимся в ресторан?

Фелица сидит, не шевелясь.

А может, заказать ужин в номер? Давай поедем.

Фелица. Однако ж он нашел выход.

Франц. Ты что-то сказала мне?

Фелица. Я сказала себе.

Франц. Я снял для тебя соседний номер, сможешь отдохнуть.

Фелица. Вместо меня он выбрал болельца...

Франц. Как это хорошо, что ты здесь... я позвоню кельнеру и закажу ужин. *(Подходит к Фелице и кладет руку ей на голову).*

Фелица молчит.

Ты останешься?

Фелица. Все-таки ускользнула.

Франц опускает руку, подходит к дверям, звонит. Фелица встает, поправляет волосы перед зеркалом.

Франц *(надевает пиджак, становится рядом с Фелицей, одной рукой обнимает ее за плечи. Стоит, будто перед фотографом. Слышны звуки вальса).* Ты съешь бифштекс, а я омлет. Попросим еще фруктовый салат, вино и торт... И кофе.

Фелица судорожно обнимает Франца, утыкается в него лицом.

Погоди... я забыл, как этот торт называется... ты ела его в Будапеште... сладстена, как ребенок... ты набрала полный рот...

Фелица. Однако ты не умер и не умираешь — ведь умирающие не говорят о торте... Мое присутствие здесь... Я не нуж-

на тебе... и в соседнем номере также. (Осмагивается). Здесь есть все, что тебе необходимо для счастья: стол, лампа, одиночество.

Входит Кельнерша — юренистая, сильная, веселая.

Кельнерша. Слушаю. (Вытаскивает из фартушка блокнот, жмет).

Франц. Пожалуйста, ужин на двоих... так... значит... без супа, без холодных закусок... Что-нибудь основательное... бифштекс, картофель фри, салат и омлет со шпинатом... еще компот, торт... знаете, такой венгерский торт... черный, в середине белый... не помню, как называется... Повар поймет, ведь это известный торт... Вино розовое, кофе и минеральная вода.

Девушка улыбается, записывает занавес блокнот. Фелица молчит, внимательно смотрит на Кельнершу и Франца. Кельнерша с улыбкой выходит. Франц смотрит ей вслед.

Фелица. Я уезжаю. Я не голодная, не устала... так что благодарю тебя... не провожай, не беспокойся и не пиши мне... Я взрослая и не потеряюсь ни на вокзале, ни в поезде... Не присылай мне ни телеграмм, ни приятельниц... Прошу тебя только об одном: оставь меня в покое...

Франц. Могу ли я... ты можешь подать мне руку на прощанье?

Фелица (подает Францу руку, потом берет сумочку и чемодан). Не провожай меня. Чемодан легкий.

Франц (остается в комнате один). Стоит не шевелиться, затем вынимает платок и долго вытирает ладони. Ложится на диван. Я хотел перед тобой отлучиться, проявить силу воли, тянула с письмом к тебе, хотел сначала завершить один акт... Но комната пуста, никто не заботится обо мне, как если бы все словорвалось: оставьте его, разве вы не видите, он с головой ушел в свое дело, он будто язык проглотил... И в конце концов, человек, этот старый крот, принимается рыть новые ходы... Да, шкаф. Из-за него разгорится, наверно, наш первый и последний спор. Я буду говорить: «Выбросим его!» Ты будешь говорить: «Остались!» Я буду говорить: «Выбирай между мной и шкафом!» Ты скажешь: «Сейчас! Кафка не хочет шкафа — видишь, рифмуется. Я выбираю шкаф». «Ладно», — отвечу я и медленно сойду по ступеням...

Картина 7-я

Ухаживание

Черная стена. На ней — афиши, объявления, вывески магазинов, пивного бара, парикмахерской, сапожной мастерской. Вдоль стены скользят многочисленные прохожие. Падают свет от невидимого уличного фонаря. Появляется рослая девушка в розовой кофточке, берете, лаковых туфельках. В нескольких шагах за ней идут двое мужчин. Разговаривают, поглядывают на ягодицы девушки, на ее ноги в шелковых, телесного цвета чулках со швом. Девушка и мужчины проходят на фоне стены, исчезают и снова появляются. Мужчины останавливаются под вывеской парикмахера.

Франц. Ты узнал, где она живет? Как ее фамилия?

Макс. Ее фамилия Словик.

Франц. Словик?

Макс. Словик Яна, живет с родителями, дочь сапожника.

Франц. Дочь сапожника... Сапожник! Знаешь, когда я был маленьким мальчиком, отец грозился отдать меня «в сапожники». А мать смотрела испуганными глазами и робко улыбалась... Так ты говоришь, она дочка сапожника и живет с родителями.

Макс. Да, с родителями... Я был там на прошлой неделе, отнес в ремонт полуботинки. Завтра должен забрать.

Франц. А ты ловок, как Мефистофель.

Макс. К вашим услугам, доктор.

Франц. Значит, у нее все-таки есть семья.

Макс. А ты полагаю, что она выскочила из твоей головы или из пены морской... что у нее нет ни отца, ни матери, ни бабушки и дедушки по отцовской линии, ни бабушки и дедушки — по материнской... Ошибаешься: у нее есть сестры, братья, родные и двоюродные, тети, дяди — так же, как у тебя.

Франц. Ближе к делу, мой дорогой.

Макс. Я должен забрать ботинки завтра. Ты можешь заглянуть туда вместе со мной. Думаю, это даже необходимо, если у тебя серьезные намерения по поводу девушки. Познакомиться с папой, мамой, братьями, сестрами. Картина прояснится.

Франц. Ну вот! Всегда есть какой-то отец... я, конечно, мать... И сестры с братьями?

Макс. Тебя постоянно удивляет этот необычный факт. Таков сей мир, что даже у господина доктора есть мать и отец, которые произвели его на свет, есть братья и сестры.

Франц (задумывается). Да... даже у Иисуса...

Макс. Были сложности с его домашними.

Франц. Я часто размышляла об этом...

Макс. Знаю, ты одинок, был и будешь таким... но у девушки Словик — многочисленная семья.

Франц. Значит, у нее есть отец? А что это за братья и сестры? И много их?

Макс. Без Яны, самой старшей, я насчитал еще десять или девять сопляков разного возраста — от грудного младенца до подростков.

Франц. Десятеро!

Макс. Может, девятéro — я мог и запутаться, они появляются из разных углов.

Франц. Сколько девочек?

Макс. Вроде пять, с Яной — шесть.

Франц. А как выглядят квартира?

Макс. Живут в подвале, в двух комнатах... Одна — мастерская, а в другой — спальня, кухня... Впрочем, кухня, может, в нише, за занавеской. Где ванная — не знаю... Что касается туалета — сам догадываешься...

Франц. Благодарю.

Макс. Пожалуйста... Нужно признать, что в этом семейном гнезде сравнительно чисто и аккуратно. Окно, выходящее из мастерской на улицу, задернуто белой занавеской, на подоконнике — пеларгония в горшках. Pater familiae показался мне, несмотря

на раннюю пору, под хмельком. Он неразговорчив, но вежлив и деловит.

Франц. Так когда ты идешь за ботинками?

Макс. Отправиться со мной?

Франц (обняв Макса за плечи). Я хочу просить тебя...

Макс. Нет!

Франц. Для меня это вопрос жизни и смерти.

Макс. Не могу.

Франц. Это последнее желание, последняя просьба обреченного.

Макс. Нет! (Освобождается от объятий друга, снимает очки, протирает их).

Франц. Это единственный для меня шанс вернуться к жизни... Ich friere und starre in dem Winter, der mich umgibt...⁵

Макс. Какую роль ты отвел мне?

Франц. Ты сердись?

Макс. Нет, слушаю.

Франц. Нужно, чтоб ты подготовил почву... Я не могу завтра прийти с тобой в подвал... Как ты себе это представляешь: ты будешь забирать починенные ботинки, а я — просить руки старшей дочки?!

Макс. Это не моя помолвка, и потому я себе ничего не представляю.

Франц. Я ведь не буду делать предложение среди этой кучи детей.

Макс. Почему бы нет?

Франц. Но мать может как раз стоять перед лоханью, а отец — быть нетрезвым... Если б Яна жила отдельно...

Макс... в садовой беседке... А тут поди ж ты — просто кишмя кишит родственниками... И как это девицы не рождаются на дереве! Созреет, зарумянятся плод и свалится в объятия — без мамы и папы, шестерых сестричек и семерых братьев... А у каждого брата — свои проблемы.

Франц. Но я же не могу войти туда и попрощаться благословения.

Макс. Еще бы! Когда я там был, варилась капуста. Ты как почувствуешь запах вареной капусты, сразу убежишь!

Франц. Я обручусь и женюсь, невзирая на капусту.

Макс. Ты необычайно остро реагируешь на разные запахи. Я помню, что запах вареной цветной капусты помешал тебе сделать предложение швейцарке.

Франц (усмехается). Я начинаю подозревать, что ты в заговоре с моим отцом, что ты его агент.

Макс снимает очки, смотрит на друга близорукими глазами.

Ты должен подготовить почву для моего прихода.

Макс. Я не достоин, ваша честь.

Франц. В свободной, ни к чему не обязывающей беседе ты скажешь отцу Словнику, что у тебя есть давний друг, холостяк, чиновник на хорошей должности, которому понравилась его дочка Яна. Можешь сказать, что у твоего друга большая квартира, меблированная... да, меблированная.

Макс. Меблированная квартира.

Франц. Скажешь, что у меня серьезные намерения и я хочу нанести официальный визит родителям... В зависимости от их настроения можешь упомянуть о желательности

скорейшей помолвки... Меня поджимает время, понимаешь... Итак, даю тебе все полномочия, можешь даже назначить срок обручения. Одним словом, у тебя полная свобода действий. На этот раз я не хочу откладывать свадьбу.

Макс. Яна — судомойка. Не кельнерша, не буфетчица, а всего лишь — судомойка.

Франц. Ты говоришь о том, что я знаю. Яна моет посуду — это полезнее, чем писать плохие книжки или рисовать дрянные картины... Это также менее вредно, чем фельетоны в газетах... Столяр, садовник, сапожник...

Макс (раздраженно). Кокетничаешь... Что ж! Мы, посредственности, зарабатываем писанием на хлеб и сапоги.

Франц. Im Leben ein einziges gutes Buch geschrieben zu haben ist mehr als genug⁴.

Макс. Знаю, мой грузчик, мой плотник, знаю твои афоризмы. Разумеется, пара сапог, которую сшил Толстой, была более значительным творением, чем «Война и мир». К тому же тебе не надо в этих сапогах ходить! Послушай, а ты подумал о своих родителях?

Франц. Да, вот именно... родители! Постоянно возникают какие-то родители, вылезают из всех углов, как мыши... Конечно, подумаю... Пока ты будешь прощупывать родителей Яны, я попробую подготовить моего отца. Пожалуй, прежде — через маму, а уже потом самолично. Однако отложу это до твоего отчета.

Макс. Ты забыл об одной мелочи.

Франц молчит.

О молодой особе. Ведь это она должна дать согласие. Может, ты сначала поговоришь с Яной, а потом я отправлюсь в подвал как *postillon d'amour*?⁵

Франц. Нет, я уверен в ее благосклонности. Ее лицо обращено ко мне, оно вбирает в себя мои взгляды и мысли. Ее глаза и губы заверяют меня в расположении. Ты обратил внимание на ее великолепные зубы, мелкие, острые, как дробленые жемчужины. У нее особенная улыбка, улыбочка, предназначенная только для меня... мы понимаем друг друга без труда, без слов.

Макс. Она тоже начнет когда-нибудь разговаривать — к тому же с тобой.

Франц. Купи цветы... розы... нет, не розы, купи цветы, подходящие случаю, и большую коробку конфет... помне, большую и чтобы там были разные конфетки с ликером или ромом.

Макс и Франц уходят, снова появляются и исчезают. Возвращается один Макс. Потом среди прохожих появляется Яна, останавливается перед витриной парижской махерской. Свет гаснет.

Картина 3-я

Колечки

Большой номер в отеле. Жених с невестой — Франц и Фелица. Их родители, подруга Фелицы — Грета. На всех парадная одежда. Фелица в белой кружевной блузке сидит рядом с отцом

⁴ Написать за всю жизнь одну-единственную хорошую книгу — это более чем достаточно (нем.).

⁵ Гоним любви (франц.).

⁵ Я стыну и цепенею в ледяных объятиях... (нем.).

Франца, слегка наклонив голову в его сторону. Отец целует Фелице руку. Она рассматривает свою ладонь.

Отец. Будь я моложе...

Фелица разражается смехом, видны ее огромные зубы и множество золотых коронок.

В этой блузке вы похожи на адью... Будь я моложе, я похитил бы вас, а Франц остался бы с мамой!

Франц как замороженный смотрит на открытый рот Фелицы, потом трет лоб ладонью и опускает голову.

Счастливцев... Вот таким все само плывет в руки.

Фелица. Но он ничего не говорит.

Отец. Как придет в себя от счастья, так заговорит... (Присматривается к Фелице). Красивая блузочка! Вы, женщины, настоящие волшебницы: какая-то оборочка, вуалька, кружево, родинка — и мужчина теряет голову.

Фелица. Мужчины — как дети. Они хотят быть околдованными, вот мы и превращаемся в волшебниц. Правда, у нас порой болят зубы, и тогда чары развеиваются. (Заливается смехом, обнажая все зубы и даже небо).

Отец. Я голоден, мои дорогие!

Фелица. Мужчины — это мотыльки, оттого мы должны выглядеть, как цветы. Окраска, форма, запах — для мужчин главное. Мы маня, раскрываемся на солнце, расцветаем в лучах любви.

Отец. Дитя мое, как выдавший виды мотылек, я радуюсь, что моему сыну достался такой цветок. А между тем господин доктор — он же прокурист — что-то не в себе.

Франц. Я...

Отец. Для юриста наш сын не слишком красноречив: хотя и раскрыл два раза рот, но произнес только одно слово. Короткое, однако для него самое важное на свете — «Я».

Мать. Герман, пожалуйста...

Отец. Дорогие гости, дорогие дети, сегодня мы съехались сюда на помолвку, торжество важное, радостное и многообещающее. Правда, жених сидит, как на похоронах... два раза раскрыл рот, но язык, видно, проглотил. А тем временем в животе у нас от голода музыка — это еще не свадебный марш а только обручальная прелюдия. Я думаю, нам всем невредно подкрепиться. Накрытый стол дожидается уже час. (Зачитывает приглашение). «Die Verlobung ihrer Kinder Felice und Franz zeigen Sie ergebenst an». Теперь же оставим влюбленных, а сами идем в ресторан. Прошу!

Все встают, направляются к выходу.

Фелица. Я тут не останусь. Я даже не знаю: невеста ли я?

Мать подходит к Францу, хочет прикоснуться к его опущенной голове, но боится.

Отец. Идем.

Фелица. Я хоть и цветок, но проголодалась... (Идет к выходу).

Франц. Фройляйн... Грета...

Удивленная Грета останавливается.

Останьтесь...

Грета. Фелица, слышишь?

Фелица. За время этого представления я проголодалась. Мне нужно чего-нибудь перекусить. (Выходит. За дверью слышен ее смех). Может, он тебе исповедуется.

Грета стоит возле дверей, опустив руки.

Франц (встает, молча ходит по комнате, садится на диван. Из ресторана доносится шум. Франц вытаскивает из кармана корбочку, открывает ее, смотрит на колечко). У меня к вам просьба.

Грета молчит.

Грета, сядьте тут, рядом со мной.

Грета молчит.

Почему вы...

Грета. Господин прокурист, я тоже голодна...

Франц. Вы меня осуждаете?

Грета. Моя особа тут ни при чем. Ведь это не моя помолвка... У вас есть невеста.

Франц. Вы говорите банальности... Что такое — невеста? Есть люди, которые сеют вокруг себя скуку, смертную скуку...

Грета. Я не могу этого слушать... Фелица — моя подруга. Это отратительно.

Франц. Почему? Ведь это правда.

Грета. Стоило ей выйти...

Франц. Ведь я же не мог сказать этого при ней. Я ужасно скучал!

Грета (невольно улыбается). Во время своей помолвки?

Франц. Вот именно... Во время помолвки Макса я отлично развлекался, был душой общества... но моя помолвка как-то меня не интересует.

Грета. Вы надо мной смеетесь? Или же вы больны? Чего вы хотите от женщин?

Франц. Хочу... чтобы вы садились рядом. Хочу попросить, чтобы вы помогли мне и Фелице. Для моей работы женщины — погибель, но для моей живой, точнее, умирающей плоти — оны спасение... Да, для моей работы женщинам — погибель... Они разрушают процесс творения уже на стадии замысла, в зародыше.

Грета присаживается на диван, смотрит внимательно на Франца.

Так вот нужно... молчать... Вы умеете молчать, это более ценно, чем дар красноречия. Ваше молчание очень содержательно, оно всеобъемлюще. Молчание таит в себе несравненно большие возможности, чем речь, звуки. Ваши слова могут меня отталкивать, а молчание притягивает, завлекает... Ваше молчаливое присутствие значило больше, чем вся болтовня, которая обрушилась на мою голову. У животных бывают длительные периоды безмолвия, деревья молчат, молчат четыре стихии, молчит живопись — картины немые... Даже музыка бессловесна. При вас я чувствую себя первозданным, как зверь... Ваше тело волнует меня своей осторожной пассивностью, запахом.

Грета встает.

(Франц хватается за руку). Грета, прошу вас, держите меня! Разве вы не чувствуете, что я тошу? Я прошу о капле снисхождения, если у вас нет ко мне никаких иных теловеческих чувств... У вас ведь возникает побуждение обласкать большую собаку, поцеловать ее... Никакой я не доктор, не жених Я равное связанное животное, которое загнало в эту комнату, как на бойню.

* «Имею честь уведомить вас о помолвке ваших детей Фелицы и Франца» (нем.).

Грета. Как... как вам не стыдно? Ведь это вы... вы всех сюда позвали: и Фелицу, и меня, и родителей Фелицы, и своих мать и отца! Вы поместили объявление в газетах! Это вы втянули нас в свою нору... Вы нас пригласили на обручение, на прекрасное торжество, а теперь сидите на диване и с видом мученика рассказываете глупые истории!

Франц. Однако ты тоже говорящая.

Грета. Разве вы не понимаете: то, что вы делаете, смешно и достаточно неприглядно.

Франц (слегка отстраняется до девушки). Одно твоё прикосновение может меня исцелить. Прошу... ничего не говори... Соки нас питающие, молчат. Слов у меня предостаточно... но мне необходима пища, которая войдет в мою кровь и плоть. Ну да! Слова все портят. Однако я не понимаю: почему Фелица? Это ты невеста, а не она.

Грета. Господин прокурюрист, гости жаут нас обедать, а вы тут устраиваете представление!

Франц. Не уезжайте... прошу вас завтра прийти сюда ко мне.

Грета. Вы делаете людей несчастными и паясничаете. (Встает).

Франц. Подайте мне, пожалуйста, руку...

Грета. Вы меня пригласили на роль жертвенной телки, не правда ли? Оглушите, втяните в свою нору и съедите живьем... няя принесете на алтарь литературы... Только я не гожусь для жертвы, мой вид вас обманул... Я бы вас так приручила, выдрессировала, что с этой ручки вы бы ели до конца жизни, как цирковая собачка для лошадака... Ели бы все послушно, без капризов и жалоб. Вас, господин прокурюрист, надо держать в узде.

Франц (здумчиво смотрит на руку девушки, не слушая ее). Ваша лапка похожа... Я вот сейчас думал, что у вас шесть пальчиков... но ошибся... жаль... а то бы этот шестой, ни для чего не пригодный палец был бы моим избранником... Я бы надел на него обручальное колечко... Прошу вас сейчас пойти туда и объявить собравшимся, что я считаю помолвку с Фелицей расторгнутой. А колечко? (Надевает колечко на палец Греты).

Грета. Вы издеваетесь над людьми! Это вы пригласили нас всех на прием по случаю обручения. Вы, вы, вы...

Франц. У меня мигрень... У меня каждый кусок обратно полезет.

Грета. Вы просто бонетесь... Разве вы не понимаете, что я ее подруга? Ведь вы же писатель. (Пытается снять колечко).

Франц. Не знаю... У меня в голове топор... Я не могу идти на обед с топором, вбитым в череп. Разве вы не видите, что я кровоточу... что мое тело истекает кровью и потом.

Грета. Я не разбираюсь в метафорах и разных аллегориях... Вы попросту бонетесь как маленький мальчик, который наделал в штанишки! Вы бонетесь папы, мамы, Фелицы да! А я попадаю, чтобы вас подстереть, сменить штанишки и убаюкать. Подобное шутовство пристало школьнику, но не прокурюристу, доктору права... Он якобы уми-

рает, а меж тем тащит женщину в постель! Вы идете на этот обед или не идете?

Франц ложится на диван, складывает руки на груди. Молчит. Грета срывает колечко с пальца, бросает его. Смотрит на Франца, сжимает руку в кулак, грозит ему, выбегает.

Картина 9-я

Вестник

Мастерская Сапожника в подвале. Белая занавеска на окне отдернута. Через окно видны ноги прохожих. Мелькает дамская и мужская обувь. Иногда пробегает босой ребенок. Перед верстком на табурете сидит сапожник, чинит ботинок. Рядом на полу семилетний взерошенный мальчик наводит блеск на дамскую и мужскую обувь всех видов — лаковые туфли, сапоги... Временами задумывается, но потом с удвоенной энергией снова принимается за работу.

Помещение разгорожено занавеской или ширмой. За занавеской, в кухне, хлопочет жена сапожника. Доносится звон посуды, детский щебет, смех, плач мальчика, стук деревянной колыбели. Парад ног за окном не прекращается, но ритм, в котором они маршируют, меняется. Раздается звонок. В мастерскую по лестнице спускается Макс. В одной руке он держит огромный букет гвоздик, в другой — коробку конфет с розовым бантом и зонт. На нем летнее пальто, котелок, светлые перчатки, лаковые ботинки. Полагая, что новость, которую он должен «возвестить» этой семье, требует торжественной обстановки, говорит несколько приподнятым тоном. Поскольку семья девушки не знает, что их ждет, то все ведут себя обычно, предупредительно. Время от времени приоткрывается занавеска, отделяющая мастерскую от кухни, и показываются головы детей. Это немного напоминает обстановку в любительском театре перед началом представления. За занавеской слышен приглушенный шепот, смешки. На протяжении всей сцены дети выходят и снова прячутся. На мгновение показывается потное лицо Сапожника.

Сапожник (отрывается от работы, кивает головой. Зубами сжимает гвозди, поэтому говорит нечетко). Мое почтение, господин профессор... Зенек, принеси что-нибудь, чтобы господин профессор мог сесть.

Мальчик, начищавший обувь, поднимается с полу, подает Макс табурет, на который предварительно плюет, а затем вытирает его рукавом. Макс поглядывает на табурет, но не садится.

Сапожничиха (приоткрыв занавеску, выставляет стул). Извинюсь... (Вытирает стул тряпкой). Не извольте сомневаться... (Исчезает за занавеской).

Макс (продолжая стоять, говорит в сторону кухни). Благодарю. Но зачем столько беспокойства, в самом деле... Мне все равно, могу присесть и на табурет... Убедительно прошу вас не отрываться от своих дел... Я хорошо знаю, как складывается день хозяйки дома, жены и матери. (Приближается к табурету, но Зенек подвигает ему стул, потом становится перед Максом

и смотрит на него. Макс нерешительно садится на стул, продолжая держать цветы, коробку конфет и зонг. Затем кладет цветы и коробку на колени, снимает котелок. Ему жарко в пальто, он встает. Макс надевает котелок, расстегивает пальто, снимает и протирает очки. Он ни минуты не сидит спокойно).

Сапожник. Зенек! Ботиночки господина профессора! Мигом!

Макс. Отбросим официальные звания, господин Йозеф, я сегодня у вас по личному делу.

Сапожник. Видно, господин профессор, вы торопитесь куда-то с визитом, я вижу тут разное... и для дам... Зенек, запакуй господину префе... Зенек, чего ты уставился на господина профессора как баран на новые ворота? Запакуй как следует ботиночки в газету... Может, Зенек за пролеткой сбегает?

Макс (кладет коробку конфет на пол). Эти цветы... в некотором смысле... предвзначены моим другом для фройляйн Яны, а в случае ее отсутствия я позволяю себе преподнести их вашей уважаемой супруге... если вы разрешите, дорогой господин Йозеф... (Зенеку). Молодой человек! Вручите, пожалуйста, этот букет мамочке и попросите поставить его в воду (подает букет Зенеку, который продолжает глазеть на Макса).

Сапожник прерывает работу и всем корпусом поворачивается в сторону гостя.

(Макс треплет по голове Зенека и подталкивает его к занавеске. Вскоре из кухни доносятся громыханье кастрюлями, неясные голоса Сапожничихи и детворы).

Макс кладет на табурет коробку конфет, на нее котелок. Глядя на Сапожника, медленно снимает перчатки, протирает очки платком. Сапожник вытирает руки о фартук. К табурету подходит девочка, дотрагивается до конфет, но, как ошпаренная, убегает с оттопыренным пальцем). Дело, побудившее меня, а вернее, моего друга, которого я сейчас представляю, исключительно деликатного свойства... В некоторых витимных сферах эмоциональной и личной жизни мой друг ориентируется не слишком свободно. Состояние его психики не позволяет ему непосредственного соприкосновения с действительностью... Это не означает отсутствие смелости — упаси боже! И хотя в своей профессиональной работе он сталкивается с самыми прозаическими проявлениями жизни, все же часто не может понять простейших вещей... Скажем, видит девушку и думает, что сия особа... трудно это объяснить... ну, он попросту удивляется, что у этой девицы есть отец, мать, какой-то брат или сестра, не говоря уже о тетке дядо дедушке... Такое же удивление вызывает наличие мужа... Одним словом, мой друг, все постигающий в сфере духа, остается ребенком в области человеческих отношений. Он думает, что его избранница появилась из голы Юпитера лад из морской пены... Он совершенно неожиданно реагирует на всякие раздражители: может со всей обстоятельностью вить будущее гнездо, но стоит ему случайно ощутить в доме невесты запах вареной претной капусты, он в панике убегает, и все идет прахом.

Входит девочка с метлой. Набирает в рот воды, опрыскивает пол и принимается подметать. Смотрит на Макса, подметает вокруг него.

Сапожник. Вроде мы говорим на одном языке, но я никак не возьму в толк, куда вы, господин профессор, собственно, клоните... Сдается мне, что старушечья моя простуя капуста варит, а вовсе — извиняюсь за выражение — не цветуху.

Макс. Дорогой господин Йозеф! Остань пока капусту и вернемся к делу, которое привело меня сегодня к вам. Еще раз подчеркиваю, что друг мой отличается смелостью в большей степени, чем обыкновенный смертный, но эта храбрость не распространяется на сферу семейной жизни и отношений с прекрасным полом... Одним словом, он думает, что девушка созревает, как плод на дереве, без участия родителей, без братьев и сестер, без близких и дальних родственников. Перед обыкновенным дядей или шурином он пасует, как перед чем-то неожиданным и даже несколько пугающим. Его не удивляют разные явления, но поражает сам факт существования шурина. Я помню, что из-за моего шурина у нас с другом дошло до неприятного столкновения. Когда я представил этого родственника Францу, он, вместо того чтобы поздороваться или хотя бы пожать руку, молча смотрел на моего шурина, вернее, не смотрел, а оглядывал его в высшей степени бестактно. И неожиданно, будто в большом изумлении, начал склонять на разные лады слово «шурин». А потом стал смеяться. Оскорбленный шурин вышел из комнаты, а Франц, глядя на меня, сказал с грустью: «Так значит, приятель, у тебя есть шурин...»

Во время своего монолога Макс разгорячился, под конец перешел на писк, потом умолк и начал вытирать лицо платком. Он застегивал и расстегивал пальто, протирал очки, потирал руки и складывал их на груди.

Сапожник. Может, господин профессор, вы изволите снять пальто и расположиться как у себя дома, не стесняясь... Зенек, возьми пальто у господина профессора! О! Теперь уже лучше? Не подать ли воды?

Сапожничиха (стоит на фоне занавески, держа обеими руками вазу с гвоздиками). Благодарствую за букет и стократно извиняюсь за беспорядок!

Макс (садится, встает). Уважаемые господа, я имею честь от лица моего друга, чиновника высокого ранга с надлежавшей квартирой, имеющего высшее образование, просить вас как родителей фройляйн Яны позволить моему другу нанести официальный визит в ваш дом, если моя миссия встретит также доброжелательное отношение дочки.

Сапожник встает и кланяется. За занавеской раздаются голоса детей, писк, смехи, слышна детская считалка: «Эне-бене раба, интер винтер жаба... раз, два три — выходишь ты!» Из-за шторы дети выталкивают рыжую девочку с венком на голове. Она серьезно разглядывает Макса.

Сапожничиха. Извиняюсь (исчезает с цветами за шторой).

Сапожник. Что-то мне невдомек, где тут собака зарыта... Зеня, сбегай-ка к господину Грайцарку и принеси три бутылки пива... Постой, захвати пустые и принеси пять.

Зенек собирает в сумку пустые бутылки.

Скажи господину Грайцареку, что отец, мол, сам ему заплатит... Насколько я уразумею, дело касается нашей Яны, которая только вечером вернется с работы. А нельзя ли узнать, почему этот господин не пожаловал собственной персоной просить руки?

Макс. Обычай допускает брачное предложение, а также обручение ring просит, то есть через доверенное лицо.

Сапожник. Зенек! Чтоб я тебя тут не видел! Ишь ты — уши развесил! Такие слова не для детей. Ну, марш отсюда! Простите, господин профессор, но при детях лучше не выражаться, а то они потом все это разносят, и люди болтают невзвесть что.

Макс встает.

(Сапожник садится). Через доверенное лицо! А ведь ботинок без ноги клиента не сошьешь! Если он мне доверится, то должен самолично прийти на примерку: хоть он и интеллигент, а нога у него такая, что, не примеряя, я или кто другой... (Сапожник наступая на Макса и говорит с воодушевлением). Без искры божьей ни в каком деле нельзя! Оттого теперь столько разных артистов, а хороших сапожников все меньше.

Сапожничиха (на мгновение высовывается, а потом говорит уже из кухни). Господин профессор, вы эту болтовню не слушайте! Он с утра пьет пиво — вот и весел околесицу. Может, вам чаю подать? Старик, не забывайся! Стыд! Это при детях-то!

Макс. Но я с огромным удовольствием выслушал господина Йозефа. (Натягивает перчатку).

Сапожник. Не знаю, какой вы веры, уважаемый господин профессор, но так красиво и часто по-чешски умеют говорить только бывшие евреи.

Макс (похлопывает Сапожника по плечу). My friend⁷, запомните: у молчащего человека — одно лицо, у говорившего два. Это старое изречение дзен.

Сапожничиха (из кухни). Вот видишь, умник, как тебя господин профессор осадил. (Максу) Извольте располагаться... присядьте, и вы мне все выложите как на ладони. Возьми-ка у господина профессора пальто.

Макс снимает пальто, перчатки, шарф и подает все Сапожнику. Тот держит вещи и смотрит на Макса.

Вы все просто, прокуро, как вы говорите, расскажете матери, и уж будьте уверены: сердце матери — это сердце матери.

Сапожник (мочает головой). Дзззек-то Дзззек, а порядок должен быть. Хочешь девицу — бери — но что непременно все честь по чести: обручение, свадьба, а уж потом всякое такое. Прокура это или не прокура — серьезный жених должен приличия блюсти... Зенек, слетай к господину Грайцареку и принеси еще пять бутылок пльзенского. Только мигом!

За шторой раздаются голоса, смехи, писк, как если бы вся орава ребят играла в прятки. Через окно подвала видны теперь обутое в сапоги ноги марширующих солдат.

⁷ Мой друг (англ.).

Донесется звуки бодрого марша. Все подходят к окну и, завороженные, долго смотрят на улицу. К ногам марширующих солдат падают цветы.

Картина 10-я

Брат и сестры

В глубине сцены — черная стена. Перед ней — зеленый газон. В тени яблоны спит Франц. На нем белая рубашка с подвернутыми рукавами, поверх которой надетая черная жилетка. Подходит Оттла в простом деревенском платице, с косынкой на голове. Оставившись над спящим, наклоняется, смотрит на его лицо. В сад вбегают в летних цветных платьях сестры — Элли и Валли. Держатся за руки и танцуют. Оттла прикладывает палец к губам. Сестры наклоняются над Францем.

Сестры (поют).

Schlaf, Herzli, schlaf,
schlaf, mein kleiner Graf,
bis der Hahn am Morgen früh
lustig ruf sein Gigggehü!
Schlafe schlafe sieben Stund
bis der Vater wieder kummi⁸.

Оттла. Франц все утро работал... Ведь он закупил секатор, лопаты, пики для подрезания веток... и целый ящик учебных пособий: «Разбивка сада», «Климат в садоводстве», «Омолаживание деревьев», «Хранение фруктов»... Он штудирует их по ночам... Вчера во время обеда прочел нам лекцию о минеральных и органических удобрениях. Сказал, что я должна завести в своем хозяйстве компост. Упрекнула нас, что мы осенью сжигаем картофельную ботву, вместо того чтобы приготовить из нее компост, поскольку сгнившая ботва образует удобрение, отдаленно заменяющее навоз. Но особый энтузиазм он проявил во время десерта: даже поднял вверх указательный палец и ex cathedra⁹ прочел нам в назидание (Оттла поднимает вверх указательный палец и произносит речь, подражая Францу). «Малопользованным источником органических удобрений являются фекалии. Из гигиенических соображений нельзя использовать фекалии для удобрения овощей, но против применения фекалий в садах мы не имеем никаких возражений. Можно прямо из бочки разливать их в борозды, вспаханные или вырытые сразу за пределами кроны деревьев, а потом присыпать фекалии землей...»

Элли и Валли грызут яблоки.

Фекалии — очень насыщенное и эффективное удобрение, поэтому их доставка из города в сад окупится с лихвой! Этот пассаж на тему фекалий и легкомыслия жителей больших городов, губящих ценный физиологический продукт, наш брат закончил сентенцией о том, сколь различны могут быть удобрения — например, о яблоке:

⁸ Спи, наш принц, малыш, Ночная настала тишь. Петушок запоем на заре: «Кукареку, кукареку...» Спокойно усни наконец, Пока не вернулся отец. (Здесь и далее стихи в переводе Г. Ратгауза.)
⁹ Авторитетно, непререкаемо (лат.).

«суждение маленького мальчика, вынужденного вытягивать шею, чтобы с трудом увидеть лежащее на столе яблоко, и суждение хозяина дома, который берет яблоко и свободно подает его сидящему за столом».

Сестры перешучиваются, смеются, бегают по саду. Оттла сортирует фрукты. На фоне черной стены, в глубине, появляются Палачи, одетые в черные мундиры, с полицейской собакой на поводке. Они быстро проходят вдоль стены, потом слышен собачий лай. Никто их не заметил. Вали и Элли шепчутся друг с другом, раздражаются смехом. Оттла подрезает секатором ветки. Франц просыпается, прислушивается, где-то далеко лают собаки. Охранники-палачи могут появляться на сцене в любое время. Могут молча пройти мимо или же задержаться перед отдельными особами. Действия Палачей непредсказуемы. Их появление может быть заменено либо всеми персонажами, участвующими в сцене, либо каким-то одним. В этом случае остальные ведут себя так, как если бы Палачей не было. Франц смотрит на Оттлу.

Оттла. Ты весь потный... (Гладит его).
Франц. Я голодный... Что сегодня на обед?

Оттла. Spinat mit Setzei und Kartoffeln¹⁰.

Франц. Ausgezeichnet!¹¹.

Оттла. Mit guter Butter gemacht!¹².

Франц. Ausgezeichnet!

Оттла. Gemüseschnitzel, dann Nudeln mit Apfelmus!¹³.

Франц. Ausgezeichnet!

Оттла. Tomatensalat, Semmel, Pflaumenkompott!¹⁴.

Франц
Вали } (хором.) Ausgezeichnet!
Элли }

Элли и Вали выходят. Оттла садится, либо становится на колени рядом с Францем. Он прислоняется головой и ее коленям, и теперь он может видеть над собой только небо или лицо Оттлы.

Франц. Я отвою сон, потому что боюсь проспать жизнь, и сейчас у тебя в деревне, я хотел бы бодрствовать всю ночь и весь день... Я боюсь проспать, проворонить самое прекрасное: тень под яблоком, свет на твоём лице, пение петуха... Боюсь, что засну и кто-нибудь выкрадет у меня все это, одно за другим... Проснусь в закрытом ящике или шкафу, где нахнет мышинный пометом, пидалью...

Оттла. Не можешь забыть.

Франц. Я уже сам не знаю, был это сон или только мои мысли... Может, это был рассказ, который я не написал, и потому он меня так мучает, грызет, пытается пробиться сквозь мою кожу, осуществиться... Это был какой-то огромный платяной или бельевой шкаф с нижним ящиком... Я один в темноте, нет ни стен, ни потолка, как бывает ночью... Я слышал шуршание, писк, шарканье... Я затаял дыхание... и снова услышал шорох и царапанье — наверно, мыши едят мои бумаги, письма и рассказы... Но о том, чтобы открыть ящик, я думал с отвращением. Писк и царапанье стали настойчивыми, я на коленях нерешительно подполз к ящику... Там стало тихо... Я медленно на-

чал его выдвигать... Там что-то шевелилось, клубилось, дышало. Я задвинул ящик, потом снова стал осторожно тянуть его на себя и уже мог заглянуть внутрь... А там клубилась черная смердящая масса... Но это не были мыши — это были люди... человеческий муравейник... И были они в капотах, как старозаветные евреи... Меня затоснило, к горлу подступила рвота, и я задвинула ящик, а потом снова стал тихонечко выдвигать... У них там, очевидно, не было ни воздуха, ни еды, поскольку они с писком и визгом протискивались к щели. Но во мне вдруг проснулась жестокость, какая иногда вспыхивает в тихих, хорошо воспитанных детях.

Оттла. Даже в снах ты мучаешь себя... и других... Иногда мне хочется проникнуть в твою голову, в твой мозг и навести там порядок, выгнать страхи и кошмары, которые тебя изводят... Я тебя очень люблю... И хочу, чтоб ты это знал.

Франц. Они там задыхались и пищали, а я выдвигал и задвигал ящик, с отвращением глядя на их маленькие волосатые лапки, розовые рыльца, обезумевшие глаза, на их бороды, пейсы... Я испытывал к ним чувство гадливости, как к мухам на липучке, которую Юзя кидала в огонь, где эти мужи жарялись, трещали... Из клубящегося роя выскочила только одна особь, оказавшаяся проворнее меня: я не успел задвинуть ящика. Она остановилась передо мной, приняла облик маленького мальчика, в отличие от остальных евреев одетого в тесный, наглухо застегнутый пиджачок. Это был Макс. Я узнал его. Он все время расстегивал и застегивал пиджачок, проверял пуговицы... На слонявых губах — дьявольски злобная усмешка, и весь он пропитан страстью поучать других. Вытянутая в мою сторону рука... палец, нацеленный в грудь... Макс беспрерывно о чем-то спрашивает пронзительным голосом и тут же на все отвечает сам... Голос его переходит в ругань каварейки, сверлит мне уши, голову... Макс пищит, кричит, как бы ставит мне ультиматум: да или нет. Я знаю, чего ему надо, и меня охватывает невыразимый ужас, который человек испытывает только в минуты агонии.

Оттла. Это все от затворничества. Ты замыкаешься, отгораживаешься от всего мира, с огромным трудом, в поте лица роешь себе нору, забиваешься в нее — большой, истерзанный... Стоит отворить двери, и сразу за ними начинается жизнь. Делаешь первый шаг, второй — и уже летящий!

Франц. Я — западня, мое тело — западня, в которую я попал, родившись на свет.

Оттла. Я тоже боялась того, что меня ждет за дверями, но однажды я изо всех сил толкнула эти двери, которые придавило чем-то огромное тело. Они раскрылись: это отец забаррикадировал их собой. Теперь он от меня отрекся... Я вылетела и позади оставила всех... Снаружи была деревня, была поля, огороды, сады, пасека, была луга, пахло сеном... Я убежала, и только твои глаза мне сопутствовали, придавали смелости... Сам запертый, ты толкал меня к свету и жизни. А теперь ты здесь, со мной... и можешь остаться навсегда, мой защитник и мое дитя.

Франц. Иногда я думаю о бегстве... Может, наконец, я вырвусь, буду жить писани-

¹⁰ Глазунья со шпинатом и картофелем (нем.).

¹¹ Превосходно! (нем.).

¹² На хорошем масле! (нем.).

¹³ Овощной пиджачок, потом лапша и яблочный мусс! (нем.).

¹⁴ Салат из помидоров, булка и сливовый компот (нем.).

ем, уеду куда-нибудь, может, за границу — в Палестину или Россию... Россия! Ее притягательная сила беспредельна... Вылезу где-нибудь за Тулой и пойду куда глаза глядят. Великая, необъятная река катит желтые волны... Фелица гула ко всем моим просьбам, к ней бесполезно обращаться даже на языке глухонемых. Она жаждет обывательского счастья, комфортабельной квартиры, спальни, натопленных комнат, полных шкафов, шкафчиков для белья и буфетов. Она все ждет, что я заинтересуюсь фабрикой отца... Любит сытно поесть, особенно мяса, хотя оно застревает в зубах. Только у хищных зверей зубы приспособлены для раздирания мяса. Как и все ее подруги, Фелица мечтает спать до одиннадцати часов... а ночью? Не знаю... На моих часах, которые вот уже год спешат на час, она ставит правильное время. Она не понимает моего измерения, моего времени, в котором часы могут спешить на час, поскольку это измерение не имеет ни малейшего значения для основного и единственно важного занятия, каким для меня является писание.

Отта. Ты боишься этого брака? Если боишься, то я скажу...

Франц. У нее во рту полно золотых зубов! Скажу тебе по секрету, что вначале, сразу после нашего знакомства, я закрывал глаза от стыда и страха, когда Фелица смеялась. Она показывает все зубы и небо!

Отта. Ты дурачок!

Франц. И это у нее во рту!

Отта. Дорогой братик, а где же, по твоemu, должны быть зубы у этой девушки?

Франц. Адская бездна, полная сверкающих зубов! По правде говоря, здоровые зубастые челюсти — тоже страшно. В сущности, из-за своего изъяна Фелица стала мне ближе... Этот маленький недостаток нельзя скрыть, оттого он будит чувства... Мне трудно выразить... Это что-то вроде вежности... Хотя как жених я мог бы иметь некоторые претензии по поводу золотых зубов, но никогда этого Фелице не сказал... Знаешь, а все же люди не заботятся о зубах.

Отта. Мама страшно огорчена разрывом... Люди придают определенное значение условиям. Ты снова дал объявления, пригласил ее родителей, а потом говоришь, что у тебя болит голова и что ты расторгнешь помолвку, а точнее, ничего не говоришь... Я всегда буду с тобой и на твоей стороне, но мама рассуждает как обыкновенная женщина... А отец?

Франц. Это кровь... кровь из недр моего организма хлынула и разорвала помолвку... Мой организм дал мне понять, что я должен делать только одно: писать. Браки, деторождение, покупку шкафов нужно оставить избранныкам счастья. Однако, возвращаясь к зубам: представить себе, на прошлой неделе я получил письмо от некоей девушки, где она жалуется на зубную боль и пишет, что виной тому сквозняки. Ну как взрослая особа может писать такую ерунду! Для здоровых зубов как раз наиболее благоприятен воздушный поток. Хотя с молодой дамой и следует обходиться деликатно, я спросил у нее, как она ухаживает за своими зубами и чистят ли их каждый раз после еды.

Отта (вертит головой). Нет, нет, Франц, поставь себя, однако, на место невесты и ее родителей!

Франц. Liebes Fräulein Grete¹⁵, говорю я ей...

Отта. Грета? Подруга Фелицы?

Франц. ...быть может, вы старательно чистите зубы, но, поверьте мне, зубы портятся прежде всего от употребления мяса: я знаю это по себе... Сидишь за столом, смеешься, наслаждаешься беседой, а тем временем в полости рта гниют оставшиеся между зубами мясные волокна, и в них плодятся микробы, как в дохлой крысе, закиданной камнями.

Отта. Но при чем тут Грета?

Франц. Так именно Грета мне много рассказывала о зубной боли, часто беспокоившей Фелицу. Да будет тебе известно, сестричка, что из всех болезней именно зубная боль вызывает у меня страх и отвращение. Конечно, ковыряние в зубах за столом вовсе не приятно для присутствующих, но мясные волокна надо удалять сразу же... Помнишь, только отец имел неписаное право ковырять за столом в зубах. Он ковырял зубочисткой и даже вилкой или ногтем, разгрызал кости, высасывал костный мозг, чавкал, иногда вытягивал пальцами мясные волокна из щелей между зубами, а на нас кричал, если мы за столом начинали ковырять в зубах.

Отта (улыбается). Так, значит, речь идет о ковырянии в зубах...

Франц. У плотоядных животных зубы остроконечные, широко расставленные, приспособленные для раздирания и пережевывания мяса, в то время как люди...

Отта. ...в то время как люди прислали вам подарок! Дядя Альфред из Мадрида написал чудесное письмо и в качестве свадебного подарка для тебя и Фелицы приложил чек на тысячу крон. Скажи, что делать с этим чеком? Мама вынуждена отослать его и объяснить дяде Альфреду...

Франц. Фелица говорила исключительно об устройстве квартиры, хоть я определенно высказался, что и после свадьбы должен иметь свой угол для работы, свою нору, как крол или барсук... В норе не принимают гостей. Непрошенный гость, который суется в нору, становится нашим врагом... Фелица требует от меня чувств, которых не питает к моим братьям и сестрам. Вали она называет гладильной доской, Элли — гусыней, а твоего существования еще вовсе не заметила. Ты для нее какое-то никчемное, комичное существо, а не моя младшая сестра. Она обязана знать, что ты — мой единственный союзник в борьбе... Подозреваю, что она не прочитала целиком ни одного моего рассказа, хотя читает романы разных австрийских и других писателей... Я не ревнив... Когда-то я дал ей «Крейцерову сонату» — уверен, что она не прочла.

Отта. «Крейцера соната» — не слишком ободряющее чтение для будущей супруги и матери. Жеву Толстого тоже не обрадовала эта книжка: она чувствовала себя глубоко узавленной... Мне кажется, что письма к Грете...

Франц (про себя). Боюсь ли я брака? Может... может, потому боюсь, что в браке

¹⁵ Дорогая фройляйн Грета (нем.).

рождаются дети... которые могут нам воздать с лихвой за то, в чем мы провинились перед собственными родителями... Если бы я оказался лицом к лицу с собственным сыном, который был бы таким же черствым, замкнутым, молчаливым... одним словом, если бы я родил сына, похожего на себя? Пожаауй, я убеждал бы от него, переселился, как это хотел сделать наш отец.

Появляется Палач, показывает на Оттлу. Франц этого не видит, складывает в корзину яблоки. Удивленная Оттла дотрагивается рукой до груди как бы желая спросить: «Я? Это — меня?» Палач кивает головой. Оттла разглаживает ладонями блузку и юбку, на пыточках идет за Палачом. Они проходят вдоль черной стены, исчезают в темноте. Франц не видит того, что происходит за его спиной на фоне черной стены. Вдали раздается лай собак. На фоне черной стены появляется человек с книжкой, открывает ее, читает.

Человек с квижкой. «На пути от газовой камеры к могилам, то есть на протяжении нескольких сотен метров, стояли дантисты с клещами... Они открывали рот покойника, заглядывали туда, вытаскивали золотые зубы и коронки, бросали их в корзину. Дантистов было восемь — в основном молодые люди, их набрали специально из эшелонов. Одного из них, по фамилии Цукер, я немного знал: он был родом из Жешува. Дантисты занимали отдельный маленький барак. В сумерки они приносили туда корзины, полные золотых зубов, снимали золото и перетапливали в бруски. Надзирал за ними гестаповец. И бил, если работа шла слишком медленно. Зубы перетапливались в бруски толщиной в сантиметр, шириной — полсантиметра и длиной двадцать сантиметров».

Вдоль черной стены Палачи молча гонят, будто стадо, толпу нагих людей. Франц этого не видит и не слышит, целиком погруженный в созерцание дерева, листьев, веток, фруктов. От толпы отделяются три женские фигуры — Оттла, Валли, Элли. Они прикрывают свою наготу руками и волосами. Кто-то бросает в их сторону какую-то одежду, тряпки, — обувь на деревянной подошве, туфли. Оттле достается мужская рубашка, рваные кальсоны, старые, разодранные брюки, гимнастерка с русского военного пленного. На голове у Оттлы — косынка, на руке — белая повязка со звездой Давида. На ногах — обувь на деревянной подошве. Элли и Валли рюкзак в груди одежды. Оттла подходит к Францу спиной и закрывает ему глаза ладонями.

Оттла. Eins zwei drei,
du bist frei,

Франц. Vier, fünf sechs
du bist nexchs!¹⁶

Оттла (снимает с головы косынку, вызывает Францу глаза).

Eichen, Buchen, Tannen,
und du musst fangen.

Eichen, Tannen, Buchen,
und du musst suchen!¹⁷

Элли и Валли ищут под стеной что-нибудь съестное. Одна нашла кость, другая — несколько картофелин. Возлежно приближаются к границе сада, но не пересекают ее. Одетые в грязные лохмотья, они жадно съедают свою добычу. На спинах и на груди у них звезды Давида или надписи «Jube»¹⁸

¹⁶ Раз, два, три — выходи!
Четыре, пять — води опять!

¹⁷ Дуб, ель, бук.
Стань на в круг.
Едьни густой впереди.

¹⁸ Побегай на поводки!
Ебрей (нем.).

Элли, Валли и Оттла бегут вдоль черной стены, исчезают в темноте. В саду — тишина. Франц еще какое-то время кружит по саду, наконец, срывает с глаз повязку, с улыбкой осматривается, прикладывает рупором руки ко рту.

Франц (кричит). Элли... Валли... Оттла... Элли... Элли... Оттла!

Эхо из глубины отвечает ему, множа звуки, имена, и пропадает. Сцену медленно обволакивает мертвый, зимний свет. Краски умирают. Все превращается в дым, мглу, пепел.

Картина 11-я

Огонь разведку руками друга

Большая комната. Печь, облицованная узорчатыми изразцами. Дверцы раскрыты, в печи полыхает огонь. За окном, где вьется крона дерева, постепенно темнеет. Франц входит по комнате, останавливается, греет руки. Мерцающий красный свет окутывает его темную фигуру. Франц берет кочерю, ворошит угли. На столе возле печи лежат бумаги, тетради, газеты. Франц говорит про себя, сначала не слишком разборчиво, потом отчетливее, делает паузы, наконец, слова складываются в фразы.

Франц.

Dort unten in der Mühle
Sass ich in süßer Ruh,
Und sah dem Räderspiele
Und sah den Wassern zu,
Sah zu der blanken Säge,
Es war mir wie ein Traum,
Die bahnte lange Wege
In einen Tannenbaum,
Die Tanne war wie lebend
In Trauermelodie.¹⁹

(Франц наливает рюмку красного вина, некоторое время смотрит на просвечивающую жидкость и медленно пьет).

Входит Макс.

Макс. Вот и я.

Франц отступает на шаг-другой, смотрит на Макса.

Что случилось? Твою телеграмму мне вручили вечером. Я ехал всю ночь.

Франц. Ничего не случилось... собственно, ничего... (Зажигает лампу). Как видишь, просматриваю бумаги...

Макс. Бумаги?

Франц. Жгу бумаги... письма...

Макс. Сжигаешь чужие письма, в то время как твои...

Франц. Сжигаю также свои произведение... прощаюсь с ними и бросаю в печь. В зольнике уже много пепла... Это не «бумаги», я жгу живые существа, слышу плач и крик... это моя неудачные дети, которых я родил сам с собой — семья изверглось внутрь... Я переселения свои силы, Макс, я

¹⁹ У мельницы, возле плеса,
Я отдыхал без забот.
Гудел, как вращались колеса
И как быстро вода течет.
Я видел: пила сверкала...
(навалу или в трезак сна).
Пила свой путь пролагала,
И в ель вгрызалась она.
А ель была как живая.
Напев похоронный звучал...

не могу сжигать своих детей... Только ты можешь это сделать.

Макс. Ты болен, бреднишь!

Франц. Я хочу сжечь твоими руками все, что я произвел на свет.

Макс. Эту пытку ты придумал для меня, как расплату за то, что я был удостоен твоей дружбы. Ты не терпишь меня, никому из близких, которые тоже пишут, ты не можешь этого простить... У тебя начинаются спазмы, когда кто-то говорит, что и он пишет... Ты смеешься до слез! Ведь так? Ты хочешь наказать меня еще и после смерти за то, что я литератор, что я тоже пишу, что люблю твоё творчество, которое ты презираешь. Так зачем откладывать? Давай вместе сожжем все сегодня, сейчас. Потом выьем по стаканчику вина — и дело с концом!

Франц. Видишь ли, я уже не способен на эту экзекуцию... Они просят об отсрочке... Запертые в ящиках, лишённые воздуха, они задыхаются, но хотят жить... Тебе будет легче, хоть ты их любишь, как утверждаешь, больше, чем свои собственные. Сожжение рукописей, книжек — это вовсе не такая жестокая или глупая акция, какой ее объявляют. Книги уничтожались и будут уничтожаться разными религиями, институтами, идеологиями... Уничтожались и будут уничтожаться творцами, которые прозрели и впали в отчаяние, которые не хотят, чтобы их детища жили на этом свете, гонимые цензорами, ослепленные глушцами, препарированные схоластами... Часть я сжег! Эти, в чемодане, предназначены для тебя — сожжешь их в день моих похорон.

Макс (смотрит на чемодан, стоящий у стены). Я хочу задать тебе вопрос... много лет хочу задать тебе этот вопрос, но не осмеливаюсь.

Франц (смеется). Итак, час пробил! Что ж, обнажи невидимый клинок!

Макс. Этот клинок, к сожалению, мягкий, как рука твоего друга.

Франц. Мягкая рука друга...

Макс (вытягивает перед собой руку и «целится» указательным пальцем в грудь друга). Почему всю жизнь ты подставляешь вместо себя других людей?

Франц подходит к печи, стоит спиной к Макс, молчит.

Всегда, во всех случаях, кроме писания и умирания, ты хотел себя кем-то подменить — Оттлой, матерью, другими женщинами и верным Максом... Ты можешь мне ответить на этот вопрос?

Франц (стоя спиной к Макс). Прежде всего, располагайся, умойся... видишь, я живу с удобствами и даже комфортабельно. У меня есть ванна...

Макс (берет чемодан, высоко поднимает его). Тяжелый!.. Я мылся в поезде, спасибо... Ты позвал — я примчался.

Франц. Я люблю тебя, ведь ты это знаешь... Хотя с момента твоей женитьбы к моим чувствам примешалась крупная жалости и брезгливости... Не сердись...

Макс. Роешь новые ходы, крот! Снова хочешь спрятаться... Но ты должен ответить на вопрос.

Франц. Это слок, а не вопрос.

Макс. Ответь мне!

Франц. Не поднимаю тебя.

Макс. Я помогу твоей памяти... Это началось в школе... Я поймал твои пристальные взгляды, почувствовал, что ты хочешь со мной познакомиться... Но ты выпытывал обо мне других ребят, даже когда я находился рядом и слышал твой голос. В четвертом классе у нас был рыжий деревенский мальчишка, и это его ты выбрал полом. Он пришел ко мне и сказал, что ты поздравляешь меня с сочинением на тему стихотворения Кёрнера «Путник на лесопильном заводе».

Франц (декламирует).

Du kehrtst zur rechten Stunde,
O Wanderer, hier ein,
Du bist, für den die Wunde
Mir dringt ins Herz hinein. ²⁰

Макс (продолжает).

Du bist, für der wir werden,
Wenn kurz gewandert, du,
Dies Holz im Schoss der Erde,
Ein Schrein zur langern Ruh! ²¹

Франц (продолжает).

Vier Bretter sah ich fallen,
Mir ward's uns Herz schwer. ²²

(Подходит к столу, наливая в рюмку вино).

Макс. На перемене подходит ко мне этот рыжий — глазки у него как незабудки...

Франц (берет рюмку). Vergißmeinnicht! ²³

Макс (чокается с Францем). Он смотрит на меня и важно говорит, что ты просил его, чтобы он от твоего имени поздравил меня с прекрасным сочинением! Это было так необычно и комично в отношениях между соучениками да еще из одного класса, что я начал смеяться... Смеялся долго и громко, даже стукнул кулаком по скамейке... Посол терпеливо ждал моего ответа, а ты сидел в углу и не обращал на нас внимания... Я хотел подойти к тебе, но ты начал что-то писать — наверно, притворялся занятым, поэтому я не двинулся с места. Таким было наше первое общение... А позже я уже сам стал твоим заместителем и посыльным. (Макс выпил вино). Когда в школе начались уроки танцев, впоследствии на них приглашали девочек из женской гимназии, ты не пришел на первое занятие, предупредив меня, что из-за температуры должен лежать в постели, и попросил сразу же после урока прийти к тебе... Лежа в постели, ты подробно расспрашивал, что было на занятии, просил точно показать первые па и фигуры балльных танцев. А так как танцор из меня был никудышный, ты хохотал до слез! На уроке вместо партнерши в нашем распоряжении имелись одноклассники или студия. И я должен был показать, как Хельмут танцевал со стулом, а Петр — с Каролом. Потом ты часто танцевал со стулом...

²⁰ Ты, путник долгожданый. Пришел сюда, в наш дом. А боль твоя — словно рана. Горит она в сердце моем.

²¹ Тебе недолго по свету Бродить: мы простимся с тобой. Живое дерево это Станет доской гробовой.

²² Я видел, как гроб мастерили, И сжалось сердце мое...

²³ Незабудка (нем.).

Франц (тихо). Это все кончилось, вытекло вместе с кровью из моих легких...

Макс. Ты хочешь моими руками сжечь свои рукописи, а я хочу сейчас узнать: почему ты решил воспользоваться мной? Почему я должен убивать то, что составляет твою жизнь, убивать твое потомство? Объясни: это ты так меня любишь или так презираешь? Почему ты не выбрал для этого уборщицу, которая подметает у тебя, толит печь? Наверно, ей часто требуется бумага для растопки — ты мог бы дать свои рукописи. Я знаю, почему ты не дал их уборщице. Сказать тебе?

Франц ворочит кочергой в топке.

Потому что эта женщина не умеет читать! Именно поэтому. Не умеет читать! (Макс приблизил свое лицо к лицу друга.) А я умею писать и читать, и оттого ты выбрал меня.

Франц. Я выбрал тебя, потому что люблю тебя и верю, что исполнишь мою последнюю волю.

Макс. Ты сделал такой выбор, так как хочешь меня наказать за то, что я тоже пишу.

Франц. Ты раздражен... Конечно, в блеске этого пламени, рвущегося из печи, все приобретает злоедейский оттенок. Нам нужно другое освещение. (Зажигает электрический свет.) Обыкновенным вещам ты даешь демоническое толкование... У меня уже просто нет твердости... начинаю читать... теряюсь... Я выбрал тебя единственным свидетелем и последним читателем. После моей смерти прочтешь рукописи, а потом все сожжешь...

Макс. Если я должен их сжечь, то зачем тогда читать? Ты непоследователен.

Франц (как бы пойманный с поличным). Да... так... пожалуй, ты прав... можешь не читать, но сжечь должен... Дай мне руку в знак согласия... дай слово...

Макс протягивает Францу руку, но тот не видит или притворяется, что не видит, ворочит кочергой угли.

Спасибо тебе... садись я рассказывай, что у меня дома... вернее, в доме моего отца. Макс! У меня есть замечательные сыры... Ты видел мать, отца? Они писали, что собираются навестить меня... Этот визит мне ня к чему... не вижу необходимости... Впрочем, по возвращении ты можешь дать им подробный отчет о нашей встрече, о том, как я живу, что пью, что ем... Я не такой уж и больной... может, скорее я выберусь в Прагу... Ем фрукты, орехи, пью молоко, пиво... Одним словом, от меня они услышат и узнают не больше, чем от тебя.

Макс. Я разговаривал с твоей матерью и с Оттолом. Отца не было дома... хотя, может, и был...

Франц (смеется, вынимает из корзинки грецкие орехи, раскалывает их металлическим «щелкунчиком», протягивает на ладони Максу). Вижу, ты не забыл, что он о тебе когда-то сказал... Сколько уже лет прошло, а он все давит меня собой!

Макс. Твой отец!..

Франц. Ошибаешься! Он не только мой отец, он также и твой, он наш общий Отец. Отец миллионов молодых людей, которые сейчас воюют и гибнут... Это единый, коллективный Отец, который обрекает сынов

на бойню уже тем, что производит их за свет в нашем поганом мире. Это Отец, который говорит голосом Бога Отца: Die Liebe kann nur durch Opfer und Schlichtung des Sohnes erreicht werden!»²⁴. У моего отца зычный голос, быть может, он специально говорил так громко, чтобы мы слышали его слова в прихожей. Он обращался к матери, но выжег эти слова у тебя на лбу, как клеймо: «И что это Франек выбрал себе в приятели такого гнуса! Ладони теплые и влажные, как мочалка, б-р-р! А эти косые глазки, эти проволочные окуляры на прыщавой мордочке-гузке! А эти брызгливые малиновые губки — тьфу!» Окаменев, мы смотрели друг на друга, а поскольку мама его утихомиривала, он еще громче добавил: «Я уверен, что этот шпентик ованирует по всем темным углам... Ты видела эти крысиные зубки, эту усмешку? Мне хотелось схватить его за воротник и снести по лестнице, как щенка...» Не застегнув пальто, ты вылетел из нашего дома сломя голову, а я — за тобой, несчастный и обозленный на отца.

Макс (расстегивает и застегивает пиджак, снимает очки, протирает их платком, его губы складываются в гримасу, и не ясно, то ли он сейчас распахнется, то ли улыбнется). Помнишь каждое слово...

Франц. Ведь это он меня оскорблял, не тебя... Для тебя он просто хам, делец, а для меня — Родитель, тот, кто произвел меня на свет... Все прошло, миновало, ты теперь отличный фельетонист, признанный писатель, муж, глава семьи... Я — доктор права, автор книг.

Макс берет со стола банан, очищает.

Женщин можно обманывать — мать, сестру, бабушку... По-настоящему они ничего не знают о сексуальной жизни шестилетнего мальчика, тринадцатилетнего подростка, а потом юноши, мужчины, наконец, старика... Ничего не знают о нашем скрытом огне, о наших адских муках... Женщины обеспокоены нашей бледностью, синяками под глазами, отсутствием аппетита, они поражены вспышками необузданного гнева, самосубийствами... Но отцы и старшие братья знают все, а младшие догадываются, подглядывают и молчат, испуганные... Если б женщины увидели нас, мучившихся в клетке, увидели, как мы бьемся о стены-прутья, как стонем, подаваясь в гортани рык самца, лишнего самки... Да, хорошо, что они нас не видят... что совокупляются с нами, закрыв глаза... что не видят лиц прирожденных насильников, хищников... убийц... А потом мы как дети плачем на груди у женщины.

Макс (продолжает есть, потом тщательно вытирает руки платком). Бывают разные натуры: одни рычат, другие — скучают...

Франц. Да, бывают разные натуры... мой отец хорошо знал об этом, когда хотел отвести меня в бордель... Я никогда не мог ему этого простить, хоть он был прав, а я струсил... Мужчины знают друг о друге все... Помнишь рассказ Толстого «Смерть Ивана Ильича»? «Сын всегда жадал был ему. И страшен был его испуганный... взгляд». На лице своего сына он читает этот стыдливый знак, каким природа метет ма-

* Любви можно добиться только жертвоприношением и закланием сына! (ном.).

лолетних ованистов. И мой отец читал на наших лицах... Мы были мальчиками, перекормленными мясом и всеми теми вкусными вещами, от которых портятся зубы и желудок. Ленивые, чувственные, равнодушные к спорту и физической работе, такие дети вечно заняты собой. Таким был я, таким был ты. Отец это знал и испытывал к нам чувство безразличия. Ты показался ему мозгаемым и гадебным. Он никогда не скрывал своих суждений, резал правду в глаза. Когда-то он рывкнул на меня — а мне было уже тридцать лет: «Wie lange hast du gezögert, ehe du reif geworden bist?»²⁶. Это относится и ко мне, и к тебе, хотя ты обзавелся семьей, состоишь в нормальных супружеских отношениях с женой и будешь отцом, а я отправляюсь на тот свет... Несмотря на то, что мы оба созрели — ты для жизни, а я — для смерти, мы боимся моего отца так же, как двадцать лет назад. В его присутствии мы — недорослки, у которых потеют руки и ноги.

Макс (пожимает плечами, берет с тарелки яблоко). Твой отец никогда тебя не понимал, его интересовала фабрика, магазин, еда, здоровье его самого и семьи, поскольку семью он считает своей собственностью. А ты бежал в мир, для него недоступный, в мир искусства, литературы... ну, и украл у него Отлау... Он тебя не поймет ни до смерти, ни после смерти.

Франц. Он меня не понял, но видел меня насквозь, а это высшая форма понимания. Я знаю, отец никогда не читал моих книжек, откладывал их неразрезанными на ночной столик. Ну что ж, зато он читал «Ади-Баба и сорок разбойников», читал, кажется, Диккенса, Гете и наверняка — Вильгельма Раабе «Хронику воробьиной улицы». А ни меня, ни тебя не читает... мы как-то не доросли... И я уверен, если бы мой отец вдруг вошел сюда и закричал на нас: «Вы что тут, сопляки, делаете?» или «Небось, пакостничаете?» — я бы окаменел, а ты обмяк.

Макс. Чепуха! Ерунду болтаешь!

Франц. Мы действительно «пакостничаем». Поэты «пакостничают» и стыдятся серьезных взрослых людей, потому что перед лицом жизни, дорогой друг, наша писанина — это постыдная, непристойная забава. Ты уже проголодался? Может, пойдем в вегетарианский ресторан? Я теперь животное травяное, разве только запиваю траву вином и пивом.

Макс. Я не голоден.

Франц. Для отца мы остались малолетними ованистами, которые играют в театр и писание книжек... Но он не дал себя обмануть, полностью раскусил нас. Ты в лучшей ситуации, почти сравнялся с ним: ты женился! Сам не знаешь, какой поступок ты совершил... Ты муж, самец, оберегающий гнездо. Теперь оскальнивайте друг на друга калыки, а я с поджатым хвостом убегаю в угол.

Макс. Ты экзальтирован, и эти твои возгласы в честь моей женитьбы, прости меня, смешны. Ведь каждый день, да нет, каждую минуту какая-нибудь пара соединяется, рождает детей... Если бы брак и совокупление относились к наивысшим достижениям че-

ловчества, то до сих пор не изобрели бы ни прифта, ни паровоза, ни электричества. Сделать ребенка легче, чем шить хорошие брюки, и именно поэтому нас два миллиарда, а потом будет десять и двадцать, а потом мы съедим друг друга, и наступит тишина. Ты устраиваешь мистерию из чего-то столь естественного, как дыхание или физиологическое отравление, обмазываешь девушек, делаешь несчастными женщин. Ты перенес половой акт в сферу интеллекта и потому не оправдываешь ожиданий как любовник или же кандидат в мужья. А может, ты просто не хочешь поступиться личными удобствами?! Идем же в этот твой вегетарианский ресторан!

Франц закрывает двери печи, гасит свет, выходит вместе с Максом.

Картина 12-я

У парикмахера

Два зеркала, умывальник, кресла, шкафычки, сверкающие машинки для стрижки, бритвы, флаконы. Возле кресла, сбоку — вешалка, столик. В кресле, спиной к зрительному залу сидит Франц, накрытый белой простыней. Лицо его отражается в зеркале. Парикмахер смуглый, толстый, лысеющий, с усам. Он прерывает стрижку, удобнее усаживает клиента. Глаза у Франца закрыты. Мальчик-подросток подмывает пол. Потом прискинает свою голову водой, тщательно причешивает, всматривается в свое лицо, садится на стульчик и начинает ковырять в носу.

Парикмахер (распуская мыло). Юзек! Не ковыряй в носу, а то мозги себе повредишь! Сбегай за газетами! Мир летит под откос, а этот сидит и в носу колукает!

Подросток. Мой нос...

Парикмахер. Извольте себе представить: этот растяпа не читает газет. Нам, людям, трудно понять, чем набита эдакая тупая башка... быть может, это и не голова вовсе, а капустный кочан, извиняюсь за столь грубое слово... Я вот читаю «Нлас Народа». Разве я могу общаться с людьми без культуры и веры? Хотя я и абсолютно против классовых предрассудков, однако не согласен, чтобы Юзек был, скажем, на равных со мной или, если позволите, с господином прокуристом... Ну чего, дворняга, чешешься?

Подросток. Потому как вы все говорите-говорите, а денежек на газеты не даете.

Парикмахер (гнет Подростку «денежки», правит бритву на ремне). У тебя только денежки в голове! Господи прокурист, не откажите в любезности принять мое поздравление по случаю анонса в газете, где я имел удовольствие прочитать о вашем обручении с избравницей сердца... Как истинный демократ я абсолютно против классовых предрассудков, особенно если дело касается нашего прекрасного пола. Хочу от всего сердца поздравить вас с выбором, поскольку имел удовольствие причешивать головку фройляйн Словик. И поверьте мне, что более чуткого наперсника наши дамы не найдут ни в какой другой профессии. Конечно, священник или врач может быть по-

²⁶ Когда, наконец, ты станешь взрослым мужчиной? (нем.).

веренным души, но только парикмахеру доверяют, я бы сказал, сполна, то есть и секреты телесные, и сердечные тайны, и сокровенные мысли. А фройляйн Словик обладает разными достоинствами, отвечающими положению господина прокурюриста. И есть в ней «что-то», что только мы, мужчины, ценим в женщине... А если это «что-то» отсутствует, то будь женщина даже эрцгерцогиней либо имей анадемы, шубы, салоны, для нас она останется фарфоровой куклой.

Слышны звуки военного марша. Входит пожилой элегантный господин в пенсне, с седой длинной бородой, в черном пальто, котелке. За ним появляется Подросток с газетой, которую вкладает на столик. Подросток кланяется, услужливо подбегает к вошедшему господину, тот подает Юзеку котелок, потом перчатки, потом трость и, наконец, пальто. Каждую вещь Подросток забирает с поклоном, все вешает и раскладывает. Подвигает Клиенту кресло. Тот садится, удобно устраивается. Вся эта сцена отражается в зеркале.

Парикмахер (на мгновение прекращает стричь Франца, обращается к себодородому Клиенту). Желаете ли вымыть голову, господин советник? Если да, то эту процедуру отлично сделает Юзека, а после сушки я буду иметь удовольствие принять досточтимую головку в свои руки... Юзека! (Продолжает стричь Франца и с этого момента не обращает внимания ни на себодородого Клиента, ни на поведение Юзека, Франц сидит с закрытыми глазами. Парикмахер может закрыть ему лицо мокрой салфеткой, Франц неподвижен, как манекен. Подросток стоит за Клиентом и жмет его указаний. Парикмахер снимает салфетку с лица Франца, намылывает его). Извольте головку совсем вправо... прошу прощения... Так вот, возвращаясь к прежней теме... значит, женщина, доверяя нам свою головку на время, пока мы ее причесываем, становится в некотором смысле нашей невольницей, нежной и податливой... А мы оказываемся не только поверенными, но часто исповедниками, перед которыми женщина открывает тайники своего сердечка... И это не только, извиняюсь, какие-то курьезы, но дамы образованные, нередко из высших сфер. Они раскрываются перед нами, как роза перед мотыльком, и часто говорят о таких вещах, связанных с их супружеской жизнью, что я, хоть и старый греховодник, тертый калач, как говорится, но прямо-таки краснею... Будьте любезны — влево... И когда такая дама открыто говорит о бессилии своего супруга, я, право, не знаю, не притвориться ли глухим... Я имел честь услышать от нашего общего знакомого, что вы, господин прокурюрист, в свободные от более важной работы минуты изволите считать романские книжки, ценные также в Вене. Вот и я пописывал в школе, одно из моих произведений было перепечатано в «Kriegs — Echo»²⁶.

Подросток (вынимает цветные салфетки и полотенца, показывает Клиенту). Господин советник, чью жилаете — белое, красное, голубое?

Клиент. Спасибо, белое.

Подросток наклоняется, Клиент что-то говорит ему, жестикует. Подросток снова становится перед креслом Клиента, вдруг рывком погружает его голову в умывальник

²⁶ «Эхо войны» (нем.).

и держит ее так долго, что Клиент начинает задыхаться, потом тянет голову за волосы вверх и снова погружает ее в воду. Клиент захлебывается, кашляет.

Клиент. Что... что это... (Закашливается.) ...я... позиция... где позиция?!

Подросток (спокойно прижимая его голову к умывальнику). Mensch... Mensch...²⁷

Клиент. Я...

Подросток. Du alter Strohsack...²⁸

Клиент. Я...

Подросток. Alte Pipe!²⁹

Клиент. Я...

Подросток. Maul halten!³⁰

Клиент. Я кавалер Железного креста второй степени. Это обо мне писали в «Kriegs — Echo» в августе 1915 года — у меня есть эта вырезка! Я шоу ее в бумажнике, на сердце, как реликвию, вот уже двадцать пять лет... (Лихорадочно ищет, вытаскивает бумажник). Вот, пожалуйста, читайте!

Подросток берет пожелтевшую газетную вырезку.

Моя фамилия Фриденгаль, доктор Фриденгаль...

Подросток (читает, записываясь). «Торт из соломы... На вечеринке военных врачей в Берлине были поданы торты, испеченные из муки, которая изготовлена из овсяной соломы по методу химика, профессора Фриденгаль. Обозреватели берлинских газет очень хвалят это кондитерское изделие, утверждая, что оно вкусно, сытно и легко переваривается. Свое заявление они подкрепляют мнением профессора Фриденгаль, который считает, что желудку для благоприятного пищеварения требуется некий балласт и что человек или животное, долгое время потребляя только калорийную пищу, не может оставаться здоровым...»

Во время чтения Клиент с гордостью оглядывается, как бы ища признания своих достоинств со стороны присутствующих. Но Парикмахер и Франц недвижимы. Ничего не слышат и не видят.

Подросток (рвет вырезку на мелкие куски и бросает на пол). Scheiss!³¹

Клиент (вскочивает с кресла). Господа, я протестую! Господа, я призываю вас в свидетели!

Подросток. Alte Latrine!³². Ты видишь, кто с тобой говорит? Железный Густав с тобой говорит...

Клиент (изумленный). Железный Густав! (Протягивает руку в сторону Подростка).

Подросток (берет трость Клиента). Alter Hut!³³

Клиент. Я...

Подросток (дергает Клиента за бороду). Du alter Pinsel!³⁴. Ты... Одевай... los, los...³⁵ ваш пожитки! (Бросает Клиенту пальто, котелок, шарф, калоши). Собирай пожитки! Los, los...

Черная стена передвигается, в глубине — полумрак. Над стулом горит одна лампочка. Подросток подталкивает Клиента тростью в

²⁷ Тварь... тварь... (нем.).

²⁸ Старый тюфяк... (нем.).

²⁹ Старый хрен! (нем.).

³⁰ Заткнись! (нем.).

³¹ Дерьмо! (нем.).

³² Старый говнюк! (нем.).

³³ Старая шляпа! (нем.).

³⁴ Ты старый болван! (нем.).

³⁵ Давай, давай... (нем.).

сторону черной стены. Оба исчезают во мрак. В этот момент Парикмахер окликает и продолжает брить Франца.

Парикмахер. Смею утверждать, что мы, парикмахеры, ну и, конечно, портные, сапожники знаем подоготную наших клиентов лучше, чем вы, славные поэты... Ведь что может поэт разгадать в женщине? Только душу... или ум... Однако женщина понимает, что не душа, а прическа, платье, духи, туфелька, чулочек привлекают мотылька, то есть в данном случае — мужчину, как венчик цветка, который раскрывается, чтобы приманить к своему меду насекомое... Что ж, свет так устроен... И поэт или писатель, как каждый мужчина, попадет на эти краски, запахи, тряпки, украшения и слепо тянется к чаше с медом... Юзек! Где флакон с одеколоном? (Парикмахер прерывает бритье, правит бритву на ремне.) Юзек, растяпа! Простите, господин прокурист, но этого балбеса никогда не найдешь, если он нужен.

Во время монолога Парикмахера за раздвинутой черной стеной, в темноте, продолжает разбгриваться стена между Подростком и Клиентом. Обе стены накладываются друг на друга. За черной стеной свет усиливается, в парикмахерской — убывает.

Подросток (погоняет Клиента тростью). А теперь раздевай! Личный досмотр! Бархало подожи налево! Все снять, сжечь!

Клиент начинает снимать костюм, ботинки, носки, белье. Все складывает рядом со стулом.

Открой рот! (Подросток пальцем залезает в рот Клиента, роется там, затем поталкивает Клиента к стулу, заглядывает между пальцами его рук и ног, в уши, под язык. Держит в руке никелированную, блестящую машинку для стрижки волос). Теперь сделаем тебе через середину голова карош Lausr-goshenad...³⁶, широкий... в три пальца... Ну, карашо! Теперь у тебя пробор... уши будут иметь где шпацировать! А сейчас одевай... это твои манатки... (Из груди тряпок Подросток вытаскивает тростью рубашку, ботинки и т. г. и бросает Клиенту).

Тот надевает длинную ночную рубашку, зеленую дырявую дамскую нодфочку, старые рваные брюки, портянки, обувь: один огромный мужской ботинок с высокой пинуровкой и маленький дамский ботиночек, в котором не помещается ступня. На рукав натягивает белую повязку со звездой Давида.

Подросток (стоит сбоку). Raus! Raus!³⁷ (Поталкивает Клиента тростью. Тот быстро проходит через парикмахерскую, спотыкается, исчезает за дверьми. Черная стена смыкается. Подросток подходит к зеркалу, вглядывается в свое лицо, причешивает волосы).

Парикмахер. Юзек, перестаньковырять в носу, не то мозги продавляешь! Ну и что, рохля, ты даже не заглянул в газету? Простите, господин прокурист. (Осторожно, двумя пальцами берет Франца за нос и слегка задирает его вверх). Так вот извольте представить себе, этот увальень...

Подросток. Мне газета ни к чему.

Парикмахер. ...извольте себе представить, этот увальень не читает газет... Однако ж нам, людям начитанным, трудно понять, что в таком тупице кроется.

Подросток (берет газету, читает, бормочет). Дума... дума... ультиматум...

Парикмахер. Ну и бубнит! И ведь что-то вычитал там, олух.

Подросток... что мы объявляли войну Сербия.

Парикмахер (вздрогнул, порезал Франца). Простите великодушно... я правда... рука дрогнула... сию минуту оставим кровь... сейчас... Юзек, где квасцы, осед? В другой раз как-то предупреждай... Тут человек бреет, а он: «Война началась!» Сейчас продезинфицируем... совсем пустяковая ранка... все из-за этого дурака! Буквально капелька крови! Тысяча извинений! (Прикладывает квасцы, смачивает ранку одеколоном, гует, приклеивает пластырь...). Простите великодушно, однако известие обрушилось так неожиданно... (Парикмахер подает Францу газету, тот читает). Сюю минуточку закончим, надеюсь, ранка уже не беспокоит вас, господин прокурист. (Из пульверизатора опрыскивает лицо Франца, вытирает полотенцем).

Слышны звуки военного марша. Музыка приглушается. Когда свет начинает гаснуть, П а л а ч и выносят всю мебель и аксессуары. Подросток подметает пол.

Картина 13-я

Иди и посмотри

Скромно меблированная комната с нишей, которая отгорожена занавеской или ширмой, достаточно экзотической, с «китайской» росписью. На стене какая-то картина. За столом сидят мальчик лет десяти—двенадцати, крупный, толстый, с непомерно огромной и деформированной головой, с лицом, заросшим густым черным пухом. Ребенок глухонемой, он издает только урчанье и писк. Рядом молодая женщина, блондинка. Она держит в руке кубик. На столе — пирамида из разноцветных кубиков. Между ребенком и женщиной стоит миска с едой — макаронами или манной кашей. Женщина ставит кубик на верхнюю пирамиду, набирает ложкой еду, пробует, чмокает в знак того, что «это очень вкусно», подносит ложку ко рту ребенка. Мальчик сидит, не шевелясь, не открывая рта. Еда течет у него по подбородку, женщина вытирает его салфеткой, снова зачерпывает ложкой еду. Мальчик отворачивает в сторону голову, стискивает зубы. Женщина всячески пытается его накормить, но в конце концов откладывает ложку, сидит молча, подперев голову рукой. Потом придвигает к себе миску.

Грета. Сынок не хочет ням-ням... сынок бяка... собачка все съест, правда? (Ставит миску под стол.)

Мальчик берет кубики и бросает на пол, один попадает в еду. Ребенок садится на корточки рядом с миской, вытаскивает оттуда кубик, вотом наклоняется над миской, погружает лицо в еду, чавкает, поднимает миску, вылизывает ее и швыряет. Затем снимает башмачок и, сидя под столом, внимательно его разглядывает. На мать внимания не обращает.

(Грета отодвигает ширму: в нише — только кровать, тумбочка, под кроватью валяются игрушки. На табурете — газ, кувшин с водой, полотенце. Грета вытаскивает мальчика

³⁶ Бульвар для вшей (нем.).

³⁷ Вон! Вон! (нем.).

из-под стола, раздевает, моет ему лицо и руки в тазу, укладывает в постель, укрывает одеялом. Загораживает нишу ширмой. Оттуда доносится колыбельная: Грета моет чистым, красивым голосом.)

Schlaf, Püppchen, Schlaf!
Da draussen gehen die Schaf,
die schwarzen und die weissen,
die wolln mein Püppchen beissen ³⁶.

Песенка вдруг прерывается, слышится бормотание, писк, аверное сопение, женский голос... Внезапно наступает тишина, потом начинается возня, на пол с грохотом падает тело, раздаётся крик боли, затем снова тишина, прерываемая спазматическим, учащенным дыханием.

В комнату входит Грета. Втулка на ней разорвана, волосы встрепаны, лицо поцарапано. Она проводит языком по губам, как бы слизывая кровь. Стоит посередине комнаты. Подходит к зеркалу, расчесывает волосы, прислушивается, но за ширмой тишина. Грета протирает лицо одеколоном. Открывает шкаф, надевает темное платье, смотрится в зеркало, убирает со стола. Звонит в дверь. Входит Макс в белом плаще и с черным чемоданом. Останавливается в дверях, не выпуская чемодана из рук.

Макс. Простите за опоздание.

Грета. А, это вы... можете не извиняться: даже хорошо, что вы запоздали... Поставьте же чемодан!

Макс. Я был у него...

Грета. Слушаю вас.

Макс. Он умирает.

Грета. Умирая, путешествуя, пишет и даже обручается! Для умирающего он ведет достаточно разнообразную жизнь... тем временем у нас, здоровых... у нас, здоровых женщин, жизнь не слишком привлекательна... Я вас слушаю...

Макс. Он не дал мне никакого поручения, ни письма, только сказал: «Иди и посмотри». У него был жар, небольшое кровотечение... эти слова стекли с его уст вместе с кровью... Я спросил, что вам сказать. Он долго смотрел мне в глаза, потом отвернулся к стене и повторил: «Иди к ней и посмотри» — и уже больше не отзывался. (Привычно снимает и надевает очки, протирает их, улыбается Грете, разводит руками).

Грета. И что вы увидели?

Макс. Врачи дают ему два-три месяца, но он может умереть раньше... Я простился с ним... Но в нем сейчас вспыхнула надежда, он строит планы, говорит, что ему по вкусу портер... Я пробыл в Берлине несколько дней, за это время наступило некоторое улучшение, он начал гулять... Там вышла его книжка, я взял с собой несколько экземпляров... Несмотря на слабость и кровохарканье, он обрадовался при виде этой маленькой книжечки... Если вас это интересуется...

Грета молчит.

Вы видите с Фелицей?

Грета. Иногда пишу друг другу...

Макс. Еще раз прошу прощения за вторжение... Я сам не понимаю цели... порой солдат не понимает приказа, но должен его выполнять...

За ширмой слышны шорохи и сопение.

* Родной, усин наконец
Проходит стадо овец.
Черный баран опять
Мое дитячко хочет сожрать.

Грета. Может, выпьете чаю?

Макс (прислушивается, из-за ширмы доносится сопение, скуление). Пожалуй, охотно выпью. (С беспокоейством смотрит на ширму, потом на Грету. Она выходит из комнаты. Макс снимает плащ, кладет его на чемодан, ходит по комнате. Приближается к ширме и прислушивается.)

Тишина.

Грета (входит с подносом, на котором чайная посуда, банка с вареньем; все ставляет на столе). Пожалуйста...

Макс. Могу ли я быть чем-то вам полезным?

Грета. Спасибо...

Макс. Я его друг. Может, он предполагал, что вы в беде... Прошу вас быть со мной абсолютно искренней.

Грета (усмехается). Абсолютно? Ну что ж... у меня есть работа, кусок хлеба и, как видите, жилье... Напишите ему, что я думаю о нем по-доброму и желаю выздоровления.

Макс. Разумеется, я еще сегодня телеграфирую, что был у вас и что вы передаете ему сердечный привет. (Снимает очки, протирает платком.)

Грета. Как хотите.

Макс. Я выполнил просьбу больного... он самый близкий мой друг.

Грета. Вы так думаете?

Макс смотрит удивленно.

Он — ваш самый близкий друг? Разве он может быть другом?

Макс. Да.

Грета. Он когда-нибудь говорил вам, что он — ваш друг? Он всегда называл вас своим другом. Но говорил ли, что он — ваш друг?

Макс. Таких вещей не говорит.

Грета. Не говорят? Но ведь вы говорили. (Улыбается Макс.)

Макс. Видите ли, это только женщины признаются друг другу в любви и дружбе, с утра до вечера заверяют друг друга в своих чувствах... Между мужчинами о дружбе или любви не говорится никогда... может, только раз — при окончательном расставании или перед лицом смерти...

Грета (с усмешкой). Или когда один из друзей женится?

За ширмой — шорох. Макс обеспокоенно смотрит на Грету.

Ах, не обращайте внимания... это всего лишь собачка... у нее воспаление легких... бедное животное спит, наверно, видит тревожные сны... Вы женаты — судя по обручальному кольцу... Но вы просная согласна на брак у своего ближайшего друга?

Макс. Не понимаю.

Грета. Вы не говорили с другом о своих планах, намерениях, о невесте?

Макс. У него не было никаких возражений, мне казалось, что он обрадовался.

Грета. Вам «казалось»... А вы случайно не заметили, какую мину сделал ваш «близкий друг», когда вы сказали ему, что женитесь?

Макс. Не помню... пожалуй, он немного развеселелся... Не помню его «мины»...

Грета. А жаль, что не помните... Я хоть и не видела в тот момент лица нашего друга, но могу себе представить, как он выгадал, когда вы, счастливый и оживленный, рассказывали о невесте, о свадьбе, подарках,

ну и о свадебном путешествии — одним словом, о «медовом месяце», поскольку ведь и вы провели медовый месяц... Медовый месяц! И я когда-то о нем мечтала... Какое красивое, сладостное название: ме-до-вый! Мёд... это слово такое теплое, сладкое, тягучее, золотистое, пахучее...

Макс *(улыбается)*. Не понимаю, что общего между моим медовым месяцем и нашим другом. Вы прозираете!

Грета. Упаси бог! Я уверена, что вы гурман. Глядя на ваши губы, женщины инстинктивно угадывают в вас гурмана. А я, глядя на вас, знаю, что вы не только вкусили весь мед, но и вылизали чашу до дна... Как это восхитительно — после трудов праведных оказаться в любовном плену. *(Грета усмехается.)* Не сердитесь... вы очень симпатичный... Я плохая хозяйка... Пожалуйста, варенье... я сама варю — загубленный талант... Я была бы превосходной куваркой, женой... Но ваш лучший друг дал драпака... то есть сбжал... сначала — от Фелицы, потом — от нескольких других... Бедная Фелица! Два раза птенец был у нее в руках, но выпорхнул... Господин прокурор испугался шкафа или кровати... Фелица мне рассказывала, но у меня все из головы вылетело... Он пантески боится мебели... шкафа... Фелица пыталась это понять, плакала, объясняла... Я тоже плакала... Вам нравится мое варенье? Я смеялась до слез!

Макс приглядывается к Грете.

Друг мой!.. Да, да! Я смотрю на вас и вижу хорошего мужа, который не убегает, а вместе со своей самочкой вьет гнездо для птенцов... Вы игривый, бойкий воробушек... а тот... пожалуй, ворон — черный, безмолвный ворон... Вы меня еще слушаете? Спасибо... Не удивляйтесь, что я благодарю: ведь в наше время никто никого не слушает. Это не наша вина: ну что может одно ничтожество сказать другому ничтожеству?.. Полагаю, в театре люди тоже пропускают мимо ушей большинство диалогов: все равно, будь то Шекспир или Шиллер... Люди минуту слушают, а потом только глазют, жаут, когда же что-нибудь произойдет... Вы странный тип! Мне все время кажется, что вы меня подслушиваете, а не слушаете... Считаете меня глупой бабой... но я много страдала, поэтому теперь рассказываю вам всякие сказочки о птичках... Вы приносите в гнездышко перышки, соломку, джежки... Фью-ю — она соломку, фью-ю — он перышко, она — шкафчик, а вы — кровать, она — стол, вы — фелетон, она — диван, вы — рассказ, она — пуховое одеяльце, вы — картину, она — вазу, вы — преты... *(Хватает Макса за руку.)* А ваш ворон предпочитал смерть — Фелице, болезнь предпочитал семейной жизни... Его всегда тянуло к самочкам, в теплое убежище под мышкой, но он боялся шкафа... и меня тоже боялся! Поэтому я имею фигу вместо гнездышка... Он взял мою душу и оставил меня с носом... *(Грета смеется.)*

Макс. Вы разбудите... *(Красноречиво смотрит на ширму.)*

Грета. Никого я не разбудю... Я же сказала, это большой песик... Иногда я думаю, не усыпить ли его... Нет, не уходите! Если вы посланы с «миссией», то не убегайте. «Иди к ней и посмотри...» Вы еще ниче-

го не видели, а уже перебираете ногами от страха и хотите убежать к женушке под бочок, в пуховое супружеское гнездышко. Именно ей вы расскажете о безумной Грете, оставшейся у разбитого корыта... именно ей, поскольку теперь, когда тот умирает, ближайшим вашим другом — прелестным, мягким, податливым — будет жена... Так для вас удобней: ведь даже в постели вы сможете говорить о нем, покдающем сей бранный мир... Одним словом, вы понимаете меня?..

Макс. Я пойду...

Грета. А если я вас не пушду? Вы пугливы, но я знаю способ вас задержать... Как видите, живу здесь монахиней... А я ведь еще ничего, правда? Я заметила, каким жадным взглядам вы ощупывали мою грудь, бедра, ягодицы... и это все, если можно так выразиться — сдается внаем... *(Грета прислушивается к тяжелому сопению за ширмой, идет туда. Доносится ее голос.)* Тихо, песик! Спокойно, собачечка... *(Выходит из-за ширмы.)*

Макс, который как раз подлаживал себе из банки варенье, вздрогнул, будто пойманный с поличным.

(Грета, улыбаясь, смотрит на него. Садится. Оба долго молчат. Грета закрыла лицо руками.) Значит, вы не можете припомнить, какое было лицо... какая была мина у вашего ближайшего друга, когда вы объявили, что намерены жениться... Не дожидаясь вопросов, вы начали ему рассказывать о своей невесте, а позже, вернувшись из свадебного путешествия, — об итальянских озерах... А он слушал, и его это отчасти веселило. Но вы, к сожалению, были слепы и глухи... Вы пришла к нему радостный, весь «в меду», сладкий и еще липкий от счастья и не заметили, что лицо его выражало отвращение... Вы ничего не заметили? А я вижу, хоть и не была с вами, как украдкой он вытирал свои ладони, когда вы хватали его то за одну, то за другую руку и в упоении рассказывали о путешествии... И не стыдитесь, что вы любите варенье — ведь взрослые тоже падают на сладости, дорогой господин Альфонс!

Макс. Я от рождения — Макс. И к вашим услугам, сударыня.

Грета. Но для меня вы — Альфонс. Пожалуйста, не сердитесь, это мягкое имя больше подходит для вашей роли и даже фигуры...

Макс. Как вам угодно...

Грета. Так вот, господин Альфонс, вы посланец, рассылный, свет, заместитель и что угодно, только не друг. Вы служили ему протезом, которым он прикасался к некоторым жизненным проблемам, вызывавшим в нем омерзение и страх... Ведь это вы были «гонимой любви» в его романе со швейцаркой, припоминаете? Потом была еще дочка сапожника... забыла ее имя... это, кажется, последняя невеста, наиболее серьезная кандаатка в жены... последняя... Я положу вам еще целое блюдо варенья, отдам вам все, только расскажите, как это выглядело — ухаживание поэта за дочкой сапожника, мышей посуду в пивной.

Макс *(встает, застегивает пиджак, пугая луговицы, так что одна лапа оказывается вздернутой, расстегивает, поправляет)*.

Нет... я не расскажу вам... Он умирает... и над чем тут смеяться?

Г р е т а. Ведь я плачу... разве вы этого не видите? Уходите... вы слепы... Уходите...

Картина 14-я

Он никогда не повзрослеет

Столовая в квартире родителей Франца. Обстановка прежняя. Слабое освещение. За столом сидят Франц и Мать. На столе — супница, два прибора. Франц ест молча, размеренно поднося ложку ко рту. На стене, напротив Франца, висит огромный скверно написанный портрет большого мужчины в расцвете сил, с усами, коротко стриженными волосами, в визитном костюме. Это Отец. Франц смотрит на Мать, поднимает глаза на портрет, перестает есть. Усмехается и показывает пальцем на портрет. Франц. Vereidigter Sachverständiger bei Gericht⁹³.

Мать. Это я сделала отцу подарок ко дню рождения... Заказала художнику-живописцу по старой фотографии. Между нами говоря, этот художник содрал с меня три шкуры, но надо признать, что портрет удался. Несколько раз я заставляла отца, когда он с удовольствием приглядывался к своему изображению... Франек, тебе не нравится суп?

Франц. Очень нравится... Суп из сельдерея, мама, это замечательно. Ты смотришь на меня и ничего не ешь.

Мать молча смотрит на сына и так же, как много лет назад, робко и нежно гладит его руку.

Мама, я бы хотел после обеда поговорить с отцом... хотел сообщить отцу и тебе... так вот... хотел просить вашего согласия на мой брак с Фройляйн Яной Славик... с которой я уже неделю обручен... Я не известил вас раньше, поскольку не был уверен в согласии невесты и ее родителей.

Мать хочет что-то сказать, но не решается. В твоем согласии я уверен, потому что уверен в твоей любви... но не знаю, как отреагирует отец...

Мать. Не знаю... боюсь... Он считает, что ты над ним издеваешься, что все эти обручения, предложения ты придумываешь, чтобы его осмеять и скомпрометировать в глазах знакомых, друзей и врагов... Он плакал...

Франц. Я... мама...

Мать (прикладывает палец к губам). Говори тише... он спит... он болен... не надо его волновать...

Франц (ислуганно). Болен?

Мать. Вчера, вернувшись с работы, он молчал, ничего не ел, сидел и не отвечал на мои вопросы... Ночью что-то бормотал — у него был небольшой жар... Сегодня не завтракал, отказался от обеда... Понимаешь, что это значит, если отец отказывается от еды... Даже когда началась война, он с аппетитом позавтракал. Так вот, я была невероятно перепугана... На мой вопрос, идет ли он на фабрику, отец ответил односложно: «Нет». Когда через час я опять спросила,

не голоден ли он, отец снова ответил: «Нет». Я спросила: «Что-нибудь случилось?» — он ничего не ответил, потом закрылся, а я стояла под дверью и прислушивалась, но там было тихо... А потом я услышала, как он страшным голосом кричит: «Разорву его, как лягушку!» Тогда через минуту я спросила, звал ли он меня, не нужно ли чего, и сказала, чтоб он открыл дверь... Когда я вошла, то увидела, что он сидит одетый и смотрит на меня как на чужого человека. Я снова стала уговаривать его что-нибудь съесть, но он сказал, что должен срочно уйти, однако не ушел, продолжал сидеть, не шевелясь... Тогда я уложила его в постель, и сейчас он спит.

Франц. Подозреваю, что эта болезнь связана с моей помолвкой... Это — форма протеста... И дело тут в личности моей невесты... Надо было разорвать меня, как лягушку, сразу, как я родился, или когда мне было шесть лет! Теперь я высокое должностное лицо, доктор права, признанный писатель... Теперь у меня огромная меблированная квартира... Почему он не разорвал меня раньше? (Франц говорит громко.)

Мать смотрит на него со страхом, закрыв рот ладонью.

Я должен с ним увидаться. Думаю, он симулирует болезнь, чтобы избежать разговора. Будет лучше, если я пойду к нему. (Встает.)

Мать (хватает его за руку). Подожди... может, я первая... как-то его подготавливаю... посмотри, может, он уже не спит... скажу, что у тебя к нему важное дело... А может, будет лучше, если я сегодня его подготавливаю, а ты придешь завтра? Тогда известие не обрушится на него так неожиданно... Отец уже не такой сильный...

Франц. Нет, мама! Я должен с ним поговорить теперь и с глазу на глаз. Он не болен... это комедия... он мучает тебя, у него осталась только ты... Подозреваю, что он нас подслушивает.

Мать. Нельзя так говорить об отце. Он вас всегда любил... и, собственно, кроме работы, в жизни ничего не имел... Может, это не была деликатная, книжная любовь... Он любил обычно... ведь он работал, чтобы содержать нас, и заботился о нас... И что ж с того, что он не умеет красиво говорить, как твои друзья — актеры и литераторы... Ты несправедлив... Он тоже нуждается в ласке и тепле, тоже страдает... только что не пишет тебе из-за этого целые горы бумаг... извини... (Мать закрывает лицо руками.) Не буду вас судить, потому что люблю вас... но я уже очень устала... от всего... даже от своей любви...

Франц. На этот раз я сам... Ты не будешь ни посредником, ни ходатаем в моих брачных делах. Отец что-то знает и устраивает представление... Я не буду шептать, я буду кричать! (Франц говорит это почти шепотом.) Годами ты разрывалась между нами, ограждая своей любовью. Теперь твой горе-ребенок стал взрослым. Это будет разговор между двумя мужчинами. Я только прошу тебя: разбуди отца и предупреди его о моем приходе. Можешь ему сказать, что появилась в печати моя книжка и я хочу ее вручить ему... Хотя когда-то он дал мне понять, что у него нет времени на чтение... (Вытаскивает из кармана маленькую книжечку,

⁹³ Присяжный эксперт при суде (нем.).

рассматривает обложку, открывает книжку, захлопывает и кладет в карман.)

Вдруг в черной стене отирается дверь. В ярком свете стоит Отец. Он очень изменился. В старом, слишком свободном теперь костюме — том самом, что на портрете — он выглядит, как мальчик, который надеял вещи старшего брата. Отец усох и смался, даже голова уменьшилась, так что котелок держится на отстающих ушах. Только усы по-прежнему густые, черные, залихватски закрученные нверху. Отец подошел к Матери и поцеловал ее в лоб.

Отец. Я пойду... нужно немного проветриться.

Франц. Отец...

Отец притворяется, что не видит Франца, удивленно озирается, хочет выйти, но Франц преграждает ему дорогу.

Отец!

Отец. А... это ты.

Франц. Папа, я принес тебе мою книжечку, она как раз вышла на этих днях. Отец. Слышшь? Он мне принес книжечку.

Франц. Просту тебя, отец, сядь, пообедай с нами и выслушай меня... (Кладет книжечку на стол.)

Отец. Только быстро, потому что я тороплюсь, у меня тоже есть дела.

Мать. Просту тебя, Герман, сядь... может, поешь... прости...

Отец садится у стола под своим портретом.

Франц. Я хотел тебя просить... хотел сообщить тебе...

Отец (движением руки прерывает его). Я все знаю... (Обращается к Матери.) Наверняка приглашает нас на очередную помолвку и встречу с семьей «невесты»!

Мать ставит перед Отцом тарелку, наливает ему суп. Она испугана, робко улыбается то сыну, то мужу.

(Отец усаживается за стол, не снимая котелка.) Ты уже напечатал уведомления, приглашения? Уже согласовал меню для свадебного стола? Уже знаешь фамилию своей невесты, ее имя? Он пришла мне «сообщить»... Так вот знай, мой любезный, что отец твоей судомойки сообщил о важней сладостной тайне вчера вечером всем посетителям пивнушки «Под гусиной гузкой»... Вернее, он сообщил это в течение целого вечера всам подраж — и трезвым, и пьяным, соседям и приедем... Целый вечер он развлекал всех рассказом о помолвке с господином прокурором. А поскольку сапожники остроумнее чиновников и писателей, то он приправил свой рассказ разными хохмами и крейкими словечками. Сапожник вышел благодарных слушателей и зрителей, так как некоторые сценки он разыграл, будто в театре. Ты лучше меня знаешь театр, потому получил бы истинное удовольствие, глядя на тестя... Представление длилось до полуночи... (Отец снимает котелок, вытирает лоб платком.) Я вышел из этого заведения, когда сапожник начал изображать, как полномочный посол расхваливал родителям невесты персону господина прокурора. И должен признаться, что тестя копировал твоего Макса великолепно: перебирал ногами, протирал окулярички, шепелявил, тараторил глаза, расстегивал и застегивал ширинку, плевал вокруг, фыркал, слюнявился и пел дяс-

кантом... Люди покатывались со смеху. Я и сам не мог не рассмеяться, но пришлось пожертвовать этим зрелищем, поскольку все шло к тому, что браво сапожник угостит меня пивом и предложит брудершафт. Какой-то извозчик очень высоко оценил представление. «Усратья можно со смеху!» — кричал он мне...

Франц встает, садится, какое-то время Отец и сын молча смотрят друг на друга.

А он хочет мне «сообщить»... Усратья можно со смеху...

Франц. Отец... я...

Отец. Делай что хочешь, ты взрослый...

Франц. Отец...

Мать выходит, закрыв лицо руками.

Отец. А я, сын, я?

Франц. Отец... я...

Отец. Он все начинает с «я» — «я-я-я»...

Ты никогда не выдаешь из себя слова «мы»?

Франц вынимает из кармана книжечку, которую принес Отцу, листает ее, может быть проглядывает. За черной стеной раздаются тяжелые шаги, покрикивания, проклятия. Стена раздвигается, в комнату входят, а скорее, протискиваются грузчики с огромным шкафом. Это тот самый шкаф, который много лет назад рассматривали в мебельном магазине Франц с Фелицей, будучи «женихом и невестой». Отец обегает вокруг грузчиков, вылезает на стул, снимает портрет, изображенная фигура крупнее самого Отца.

(Отец ходит с портретом по сцене.) Поставьте шкаф тут, у стены... или в углу... да, лучше в углу...

Грузчики устанавливают шкаф.

(Отец сует им в руки мелкие деньги, заглядывает в шкаф.)

Грузчики осматривают комнату.

До свидания, спасибо. Найдете дорогу?

Грузчики не слушают. Один разжал огромную ладонь и смотрит на монетку. Другой ходит по комнате, рассматривает в буфете фарфор, трогает ковер, останавливается перед портретом Отца, затем подходит к коллеге, шепчет ему что-то в ухо, тот вертит головой, пожимает плечами. Оба со смехом выходят из комнаты. Черная стена смыкается, за ней слышен смех уходящих грузчиков.

Франц (все это время читал книжку, не обращая внимания на грузчиков. Закрывает книжку, взвешивает ее на ладони). Это «Письмо отцу».

Отец. Какое письмо? Чьему отцу?

Франц. Это мое письмо тебе.

Отец. Твое письмо мне? Что ты опять выдумал? Оставь ты эту затею с книжечкой, с письмом! Мне не до твоих фантазий и причитаний, у меня на шею целая семья... Где тут всех спрятать? (Открывает шкаф.) Сколько человек сюда войдет? (Входит в шкаф.) Стоя?... нет, сидя... ведь они не могут все время стоять! Нужно также немного жратвы и воды, какие-то плады, пальто... Сколько сюда войдет человек? Мать — это раз, я — два, Валин с мужем и мелюзгой — это пять, нет, это уже семь... а бабушка? а бабушка? Ведь бабушка должен сидеть, значит, еще и кресло... того и гляди, их из деревни привезут!

Франц. Папа!

Отец (говорит, стоя в шкафу). Папа... папа... мама... Ты юрист, а ничего не соображаешь, ничего не видишь, не слышишь...

кая это образование вас так оглушило?.. Дядя Альфред прислал из Мадрида телеграмму, что собирается на нашу серебряную свадьбу... наверно, со всеми медалями и автомобилем... он тоже умный дурак... пожалуйста, ваше превосходительство, в шкафу... ну и, конечно, твой любимый Олке! Зигфрид приедет верхом на лошади... и лошадь прыгашка... (Выходит из шкафа). Я простой человек, обыкновенный коммерсант, мой отец был мясником, не умея ни писать, ни читать, но знал, как жить и как умирать... А что ты знаешь? Ты со своими званиями или твой господин литераторы, философы, ученые?.. Вы даже не знаете, то ли живете, то ли умираете... Помнишь этого своего коллегу... как его фамилия?.. Лиссауэр... Что он попался в первую мировую войну! Какой он был глупый! А тот другой, доктор, как и ты — господин Хуго Цукерман?.. Ты помнишь, он написал в «*Osterreichische Arme-Zeitung*»⁴¹ такое стихотворение... называлось «*Osterreichisches Reiterlied*»⁴², я тебе сейчас продиктую. (Становится около своего портрета по стойке «мирно».)

Drüben am Wiesenrand
Hocken zwei Dohlen —
Fall ich am Donaustrand?
Starb ich in Polen?
Was liegt daran?
Ehe sie meine Seele holen,
Kämpf ich als Reitersmann.

Drüben am Ackerrein
Schreien zwei Raben —
Werd ich der erste sein,
Den sie begraben?
Was ist dabei?
Viel Hundertertausend traben
In Osterreichs Reiterei.

Drüben im Abendrot
Fliegen zwei Krähen —
Wann kommt der Schnitter Tod,
Um uns zu mähen?
Es ist nicht schad!
Seh ich nur unsere Fahnen wehen
Auf Belgrad!⁴³

А скажи мне, умник, какое Цукерману дело до Белграда?.. Вы поэты, вы ученые... а мы что? Господин Цукерман хочет водрузить свое знамя над Белградом, потому что он австрийский улан? А тот, другой... Лисса-

уэр... что ему нужно от Англии? А я, глупый коммерсант, должен сейчас прятаться в шкаф. (Отец открывает нижний ящик, пробует там улечься.)

Франц. Папа... (Становится на колени возле ящика.) Что ты вытворяешь в шкафу? У тебя жар... Ты болен! (Прикладывает ладонь к лицу Отца.)

Отец. Что я... в шкафу? Глупый! А тебе шкаф мешает? Тебе всегда все мешало... я знаю твои письма к Фелице, она мне все прочитала... (Отец подражает голосу Франца, копирует его манеры.) Ах, Фелица! Ох, Фелица! Ой-ой, Фелица! Итак, Фелица, мы обставляем квартиру! Конечно, Фелица, наша мебель должна быть такая солидная, такая тяжелая, чтобы ее нельзя было сдвинуть с места... (Отец встает.) Ты хочешь меня обходить! Ты хочешь солидную мебель, огромные шкафы, тяжелые буфеты, супружеские ложа! Ты, Фелица, больше всего ценишь солидность... солидность людей и солидность мебели. (Отец бежит вокруг шкафа, догравивается до него.) А ты знаешь, Фелица, что этот буфет давит мою грудь, этот шкаф — как тяжелый камень на моей могиле, что все это могла и надгробие чинивичей жизни... Ты разглядываешь мебель, а я слышу похоронный звон. (Отец останавливается перед сыном и указательным пальцем догравивается до его груди.) Тыфу! Мышигеней!⁴⁴ Сколько Фелица слез пролила из-за того, что ты так осмел эту мебель: кровать, видите ли, ему не нужна, а буфет — это надгробие, которое давит ему грудь! И это взрослый, образованный человек! Стыд! А ты знаешь, что такой шкаф может спасти жизнь твоей матери, и твоей бабушке, и твоему дедушке, и твоим сестрам с их мужьями и детворой, и твоему дяде Зигфриду с его конем, и твоему отцу?.. Но какое тебе дело до семьи?.. Что ты знаешь о жизни? Ты такой же пророк, как Цукерман — улан! Твоя сестра Отгла и эта фрау Милена... они все вытерпят, они это все одолеют... их и спрашивай. Они в этом аду погибнут... Шкаф тебе не нужен, кровать тебе не нужна, ты можешь жить в норе, в убежище, потому что ты барсук, крот! Ты в наш шкаф не входи, ведь ты ненавидишь людское тепло, семейное тепло... Вырой себе убежище в земле, где-нибудь в поле или в лесу... Тихо! ш-ш-ш... (Отец прикладывает палец к губам, потом пытается вползти под ковер. Видны его худые ноги в подвернутых брюках. Франц пробует выгнать Отца, тот шипит и пищит, как зверек. Наконец, Франц отгибает ковер. Отец переворачивается на спину, лежит беззащитный, с вытянутыми руками и ногами. Франц наклоняется и берет Отца за руки. Отец улыбается, а может, только кривится, считает пуговицы на пиджаке, выгаскивает часы на цепочке, слушает — веет себя, как маленький ребенок.)

Раздвигается черная стена в ярком свете — кровать с высокой периной и горой подушек. Это постель служанки Юзи. Франц укладывает Отца, накрывает периной, садится на край кровати.

Франц. Лежи спокойно, я сейчас пойду за доктором... спи... ничего не бойся, папа... ты будешь жить еще долго... похоронишь меня и поставишь в изголовье такой огром-

⁴⁴ Искаженное слово, производное от *meschungenet* (свр.) — сумасшедший, дурачек.

ный надгробный камень, что я никогда уже его не сдвину.

Отец (*садится*). Умник, хоть раз послушай отца... Ты слепой крот... ты глухой, как пень... не видишь этой своры собак, которая рыщет по земле, по деревням и городам, по лесам и улицам... Не слышишь их лая... А я чую своим крестьянским носом, носом бедняка, знающим запах и земли, и дерева, и хлеба, и мяса, что Они идут по нашему следу... Они достигнут нас на земле и под землей, они найдут тебя в твоём убежище... Они всех нас передышат и сожгут... Они найдут тебя в подполе и под кроватью, в шкафу и в стене... Лучше тебе, умник, поехать в деревню к дяде Зитфриду... верхом на лошади он выглядит как фон-барон... Или поезжай к Отлае... надо выкопать себе нору под швом этого старого дерева... только сделать два выхода... или три — подальше от норы... а то собаки ищут, у них хороший нюх... (*Отец прислушивается.*) Вместе с собаками Они приближаются... Они идут за нами...

Черная стена медленно смыкается.

Под стеной

Пустая сцена. В глубине — черная стена. Мелькает свет прожекторов. Из темноты поодиночке выходят все участники спек-

такля. Актеры держатся за руки, приближаются к рампе, кланяются зрителям. Кто-то выносит на сцену декоративную корзину цветов с прикрепленной к ней белой карточкой.

Черная стена медленно, сантиметр за сантиметром, раздвигается. На сцене появляются Палачи. Они ходят среди стоящих тут людей, покрикивают, потом начинают их теснить в сторону черной стены. Гонят людей, как стадо, в вагон для скота, вталкивают их, уминают. Видны лица, руки... Один из Палачей бросает туда же корзину с цветами. Черная стена медленно смыкается, еще видны руки... пальцы... Палачи уходят. Стена сомкнулась. Стена Смерти.

Апитула⁴⁶

Во всех сценах спектакля может присутствовать Душенька Франца. Это маленький мальчик в белом костюмчике. Сидит в стороне. Временами кажется, будто он слушает, будто все видит вокруг себя. А порой он производит впечатление незрячего. Душенька не интересуется Францем. Она не участвует в жизни Франца.

* Уменьшительное от «apituis» — душа, дух (*лат.*).